

Андрей Приданников

Фантасмагорические картины из
жизни следователя

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Приданников

**Фантасмагорические картины
из жизни следователя**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Приданников А. В.

Фантасмагорические картины из жизни следователя /
А. В. Приданников — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Пять рассказов из жизни девушки-следователя, повествующие о событиях различной степени странности...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Картина первая. «Ключ, потерянный в октябре»	5
Картина вторая. «Особенности расследования уголовных дел в зимний период»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Картина первая. «Ключ, потерянный в октябре»

«Все это странно и непонятно... А разве есть что-нибудь не странное и понятное? – спросила она».

А. Лазарчук, «Все, способные держать оружие...»

День первый (пятница)

Тилим-тилим-тили-ли-ли-лим... Какой мерзкий звук... Я перевернулась на другой бок и спросонья замахала рукою над головой, отгоняя комара. Комар не улетал. Хотя, какие комары в октябре? – подумала я еще во сне. Значит, мне просто снится комар. Тили-ли-ли-ли-ли-лим... Пошарив рукой вокруг подушки, я схватила сотовый и, не открывая глаз, нажала повтор будильника. Еще десять минут сна. Целых десять минут...

...ли-лиим! – Проспала?! Я дернулась, снова схватила сотовый и отключила сигнал. «Минуточку, ещё одну минуточку, господин палач!» – так, кажется, причитала одна французская аристократка, когда её приволокли на гильотину. Рывком я сбросила ноги на пол, вторым рывком села. Черт! – воротник врезался в шею. Сидя принялась расстегивать рубашку, одновременно пытаюсь разлепить глаза. Было темно, бледнел прямоугольник окна, по карнизу стучали капли дождя. Справившись с рубашкой, стянула джинсы, бросила все на пол, под ноги. Соберись, тряпка! – сказала я себе, встала и поплелась в ванную, сшибая углы.

Так, по Макарову... по Макарову... Что же я буду делать по Макарову? – думала я, заторможено ворочая зубной щёткой во рту и глядя на свою заспанную физиономию в зеркале. Заставить себя залезть под душ я не смогла. Ни хрена ведь не сделано по Макарову. Так... Ну, надо, все-таки, искать того дружка его... Как там его фамилия? Без него, все равно, не обойтись – он скажет либо «да» либо «нет»... В зависимости от того, какие у них теперь отношения. А от этого будет зависеть и всё остальное... Надо было хоть экспертизу пораньше назначить, дура! А как бы я ее раньше назначила, если нет документов, которые должны быть у этого дружка... партнера по бизнесу, будь он неладен! – возразила я сама себе. Ну, хоть просто постановление вынести, отдать экспертам. Они пусть бы уже сами писали, что им ещё надо – кому я объясняю, а? Ладно, сегодня назначу – решила я. Время еще есть. Как раз основание будет для продления.

Уже вытираясь, я подумала про другое дело. Дрокова... сучка малолетняя... Так, когда там срок? Семнадцатого? Ещё неделя, даже больше – с теми выходными. Ну, тут-то вообще практически ничего не осталось. Привлечение составить... Не объявится – и в розыск. Надо будет самой еще раз съездить к её мамашке – вдруг появилась... С оперов всё-таки справки стрясти. Ну, по остальным, вроде ещё терпит... Да когда же это всё закончиться-то, а?!

Я прошлепала на кухню, включила свет, задернула штору, после чего попрыгала несколько раз на месте, выбивая из головы сон. Получилось плохо. Потом механическими движениями налила в ковшик воды, поставила на плиту, включила, достала из морозилки начатую пачку вареников с творогом. Захлопнула дверцу и замерла, тупо глядя на пачку. Зачем я их сразу достала? Пока вода ещё закипит... Просыпайся! – сказала себе в очередной раз. Забросила вареники обратно и включила чайник. Кофе-кофе-кофе! Если бы у меня были усы, то они скручивались бы и топорщились бы от этого волшебного запаха, как у мультяшного Рокки – от сыра. Ну, да – и в глазах бы круги вращались... Хотя, это и так есть. Всё-таки первая кружка кофе – самая вкусная за день, потом уже вливаешь их в себя автоматически, чтобы не вырубиться невзначай. ...Вода, наконец, закипела, я второй раз достала вареники, бросила их в ковшик. Потом отдернула штору и, встав левой ногой на батарею (хорошо, что только чуть теплую), левой рукой схватилась за ручку окна, а правой дотянулась до форточки – открыть.

Открыла. При этом представила, как это выглядит снаружи – например, из дома напротив. Ну, хоть извращенцы порадуются!

Есть мне, скорее, не хотелось, но я залила вареники сметаной, посыпала сахаром – три ложки – перемешала все и стала лопать, не замечая вкуса.

Бросив тарелку и кружку в раковину, пошла одеваться. Покрутившись перед зеркалом, сказала себе в очередной раз: плевать – не в сиськах счастье! И ответила себе же – да, а хотя бы, в их наличии. Но, зато – не жирная! Краситься не буду – пошло оно все... Лень. Тем более – пятница. Хотя, причем тут пятница – не понятно. Не причем – просто лень. Вон Мадонна однажды вышла на сцену без капли грима – и ничего! «Что-то, ты, часто это вспоминаешь», – сказала я себе. В прихожей с полминуты я боролась с искушением надеть кроссовки, оправдываясь тем, что, мол, дождь – промокнут, что с ними плащ не наденешь... Впрочем, хватит – ещё не соскучилась я по тем идиотским замечаниям... Так что обулась в ботинки с квадратными носами, надела плащ, берет, взяла зонтик, стоявший в углу, проверила всё это в зеркале. Мери Поппинс, молодые годы... Кажется, джинсы она не носила. Взяв сумку, я вышла из квартиры.

На улице оказалось, что дождя уже нет, только с деревьев ветер еще срывал капли и листья. Я обогнула угол дома и пошла по аллее. Туман поднимался и из-за него домов, которые располагались за деревьями по сторонам аллеи, видно не было. После дождя воздух был очень свежий, но всё портил противный, задувавший, казалось, с нескольких сторон ветер. Мне сразу стало холодно и захотелось снова оказаться в постели под одеялом и заснуть. Забыться и заснуть, как сказал кто-то... Идти надо было минут двадцать, из них семь – по аллее. Прохожих почти нет. Если уж идти, то идти бы прямо, перешагивая через лужи, сквозь туман, по опавшим листьям, все время прямо... А потом упереться лбом в какой-нибудь забор и умереть.

Я посмотрела на часы – что-то сегодня я долго провозилась, и пошла быстрее. Может, правда, согласиться, чтобы отец отвозил на работу? Хотя, нет – тогда я буду просто засыпать в машине. И самой ездить по утрам неохота – прогревать дольше, потом на трех светофорах стоять, да ещё искать место, где поставиться. Вот вечером бросать машину у работы удобно – выбирай, не хочу! Кстати, как она там? Обиделась, поди... Ну, сегодня исправлюсь. Подходя к конторе, я сделала полукруг, обходя здание сзади. Машинка моя была на том же месте – вот удивительно – где я бросила её вчера. Стоит себе, такая зелененькая, под деревом. Мокренькая... И листья желтые сверху насыпаны. Красота... Я на самом деле остановилась и полюбовалась на свой автомобильчик. Сброшенные с тополя, под которым я её оставила, листья делали её напомилавшей какого-то жука в крапинку. Я подошла, провела пальцами по левому крылу, собрала и сбросила несколько листьев с лобовика – жди, мол...

Отряхнула ладони от воды, которую собрала с машинки, снова обошла здание, вошла в... Нельзя же сказать: «Вошла в проходную» или: «Вошла в ка-пэ-пэ»... Можно, но будет это как-то не так... Подбородок вперед – что называется «морду тяпкой» – и через турникет. «Здравствуйте» – это дежурному, рядовой, чуть не на десять лет меня самой младше, и дальше. Не знаю почему, но никогда у меня на проходной не спрашивают удостоверения. Даже, когда вводят всякие усиления, учения там..., террористические угрозы. Хотя, какие в наших широтах угрозы? У всех спрашивают, у меня – нет! При этом ведь не замечают меня – здороваются, чуть ли не честь отдают (хотя, не отдают, конечно), но, чтобы дорогу преградить, документ потребовать – ни разу не было. Что-то тут не так...

Время – без семи полчаса, но на лифт я не пошла – дольше ждать, да еще не пойми с кем ехать. Стройнее буду. Ха-ха... Поднялась на наш этаж, расстегивая по дороге плащ, переложила ключи в карман джинсов, сняла берет. Ну, кабинет наш, конечно, открыт и пуст – Надька у соседней напротив. Заглянула туда – хай, мол! Зашла к себе. Что ж так душно-то? Форточку открыть – это не про нас. По коридору уже застучали шаги, я посмотрела на часы – что-то вы рано ребята, ничего нового там нет. Минуты три ещё запросто можно потянуть. Хлопнула

дверь напротив – соседки тоже побежали. Стадный инстинкт что-ли проснулся? Надька влетела в кабинет, схватила со стола ежедневник:

- Ты, чё – не идешь?!
- В гости к... этому самому не бывает опозданий.
- Все пошли уже!
- Флаг им!..

Тут зазвонил телефон. Я вешала плащ в шкаф, а Надька ещё была у стола, поэтому и схватила трубку.

- Тебя, – она скорчила презрительную гримасу. – Похоже, опять эти твои... дольщики!
- Началось в колхозе утро! – простонала я и взяла трубку. – Алло!..
- Татьяна Дмитриевна!? – проорали оттуда, я даже вздрогнула.
- Да... Слушаю вас.
- Татьяна Дмитриевна!.. Это вам потерпевший по «Шамбале» звонит!
- «О, боже мой! О, господи!» – подумала я.

– Да, слушаю...

– Татьяна Дмитриевна! Можете вы сказать, в каком состоянии находится наше дело?!

«О, господи! О, боже мой!» – подумала я снова. – «Чтоб вам всем провалиться!»

– Следствие сейчас приостановлено..., – заученно начала я. – Так как пока не получены ответы на запросы из банков из Москвы, куда перечислялись деньги...

– Так, а как же нам теперь?.. Мне опять приходило извещение... Что у меня задолженность... Что они будут в суд передавать!.. Так я ведь уплотил все!..

– Вы у меня были здесь? – спрашиваю, а сама думаю, что пора бы все-таки и наверх бежать. – Вы документы оставляли?

– Да, я вам все документы и копии отдавал! Квитанции... Я к вам даже два раза приходил!

«Поздравляю!» – чуть не вырвалось у меня. – «Да когда это закончиться, наконец?! Ну, сколько можно-то, а?»

– Значит, я вам объясняла, что платить повторно вам не нужно! Что они не вправе... не смогут повторно с вас потребовать эти деньги!

– Так они пишут, что по суду взыщут! Что подают заявление!..

– Еще раз вам повторяю! – я уже сама заорала в трубку. – Они не имеют права повторно с вас взыскивать! Никакой суд такого решения не примет! Если бы это было возможно – они бы давно уже, сразу же бы в суд и обратились! Они понимают, что суд их не поддержит! Поэтому и не обращаются!

– А в письме написали, что все – будут подавать... Как же мне теперь?..

– Это как раз и рассчитано на то, что вы сами повторно заплатите! У них других возможностей нет, понимаете?

– Да?..

– Да!.. Извините меня, пожалуйста, – говорю, – я сейчас не могу больше разговаривать, у нас рапорт у начальника начинается... Если что-то ещё уточнить – перезвоните попозже... До свиданья!

Бросила трубку, сграбастала ежедневник, ручку, проверила ключи в кармане и вышла из кабинета, захлопнула дверь. Забыла причесаться! Да что же это такое!..

Сразу у нашего кабинета был узкий проход в другую часть здания. Захлопнув дверь, я автоматически ломанулась к этому проходу, поправляя на ходу волосы. Пытаясь поправить... Поэтому смотрела я себе под ноги, ну и налетела прямо на Сашку.

– Упс! – сказала я. – Сори!

Сашка отступил на шаг назад, сделал жест рукой, пропуская меня, и сказал:

– Ледиз фёст!

– Фенкс, – буркнула я и добавила: – Привет!

– Привет, Тань! – сказал он.

Я пошла вперед, он – за мною, так как проход был шириной в обычную дверь.

– Не опаздываем? – спросила я, обернувшись на ходу.

– Ты реально боишься пропустить что-то интересное? – кривя губы, спросил он.

– Дя-дя-дя! – заржала я.

Я вошла в кабинет. Глаза – в пол, всем – «Здрасьте». Прохожу, сажусь к окошку, в уголок, ногу на ногу, смотрю в окно – там размочаленные облака цепляются за антенны. Кстати, не все ещё собрались. Ждем-с... Девчонки, которые сидят вдоль стола что-то старательно пишут в ежедневниках. Вот всегда меня занимало – что? И, главное – так усердно. Ну, да ладно... Каблуки стучат в коридоре... Забегает Ольга. Только перешла порог – встала как вкопанная. Взглянула на нас, сидящих, потом – на начальника. «Здравствуйте! Разрешите?..» Быстро присела на ближайший к двери свободный стул. Сколько уже здесь работает, все время она вот так вот входит. И ведь тоже ежедневник открыла. Что ж я так рано поднялась? Причесаться бы точно успела...

Встретилась глазами с Ленкой, кивнула. Она сделала губами движение: привет, мол. А глаза – как обычно... И тут на меня накатило. Я ведь на себя в зеркало смотрю! Ну, ведь уже через несколько лет я такой же стану, как они... Как Ленка, как Ольга. Буду также ходить, как в воду опущенная. Глядеть перед собой широко распахнутыми, но ничего не видящими печальными глазами побитой собаки. Вернее – никуда не смотрящими глазами... Одеваться черт-те-во-что и в одно и то же месяцами. Ежедневник начну заполнять, наверное. Разговоры – только о работе и сериалах, и только заунывные. А главное – жалеть себя начну. Очень сильно и постоянно, до самозабвения. Локти буду кусать, что жизнь не удалась, но сама и пальцем не пошевелю. И весь мир настолько будет унылым, а вся жизнь – безнадежной, что... Нет, даже повеситься не захочется, потому что такая будет ко всему апатия!.. И только на автомате: работа-дом-работа. Когда же это все закончиться?!

– Волчихин! – воззвал начальник. – Где твой этот... подмастерье?

– А?! Что? – Витька Волчихин высунулся из-за угла в пол-оборота.

– Бэ! Где, говорю, Чемоданов?

– Не знаю, – Витька пожал плечами. – Он мне не докладывает.

– Плохо. Ты почти уже начальник ДТП, цельный майор, а не знаешь – где твой подчиненный.

Витька снова пожал плечами, уже молча.

– Он тебе звонил вчера, когда закончил там, когда выезжал?

– Ну...

– Баранки гну! Ты как отвечаешь?!

Витька подобрался, обернулся ещё больше.

– Да, позвонил он вчера. Сказал – замерил, передопросил там, кого хотел.

– Всё сделал?

– Да, всё сделал. Всё хорошо.

– Ну, да: «Как съездила?» – «Хорошо!» – «Что сделала?» – «Ничего!»... Так, Татьяна Дмитриевна?

Большая часть следователей грохнула. Я улыбнулась, разглядывая носки своих ботинок. Те, кто пришел к нам не так давно, не засмеялись. Это была уже старая местная шутка. Я однажды ездила в командировку в областной центр – допросить там много народу надо было, документы изъять... А на месте оказалось, что фирм там таких уже нет, людей почти никого не нашла; кого нашла – те ничего путного не показали. Ну, вернулась, особо не расстроившись. Отрицательный результат – тоже... И на таком же ежеутреннем совещании на следующий день меня начальник и спрашивает: как, мол, съездила-то? А сама поездка мне понравилась – ездили на машине с опером, ранняя осень была, тепло, дорога красивая, по городу

самой бегать не пришлось. На обратном пути ещё шашлыков поели в придорожной кафешке, пива попили... Ну, я на полном серьезе и ответила, не задумываясь, как на духу – хорошо, мол, съездила. Тут он у меня и спрашивает, а что сделала из намеченного? А мне ничего и не оставалось ответить как: «ничего». В общем, который год мне это уже аукается...

– Так, если уж речь зашла... – продолжил начальник. – Татьяна Дмитриевна, что там у вас по таможенному делу?

«Ого!», – подумала я. – «Это ещё к чему?.. Так, чё отвечать-то?!»

– Нормально пока... Работаю.

– Какое – работаю?! У тебя ничего по делу не делается! Это, по-твоему – нормально?!

«А орать-то зачем?», – это первое, что я подумала, а потом до меня дошло, и я снова подумала: – «Ого! Пришла беда – откуда не ждали...»

– Запросы я направила, таможенников допросила – у них пятьдесят первая... Ответы пока еще не пришли, – я попробовала включить дурочку, уже понимая, что не сработает.

– Ты о чём говоришь-то?! Тебе перед своими коллегами не стыдно говорить такое? Запросы она направила! Ты капитан уже, а такое говоришь! За три недели по делу ни одного процессуального действия! А она запросы направила и сидит! Ждёт! Чего ждешь-то?!

«Черт! Вот те раз...», – подумала я.

– Ну, мы же с вами обговаривали, что по этому делу... – я подняла глаза, взглянула на начальника, снова уставилась в пол.

– Что ты там обговаривала?!

– То, что передавать его будем, – напомнила я.

– Да, ты что такое говоришь-то?! – включилась в разговор заместитель начальника Веронова. – Кто с тобой такое мог обговаривать?!

И понеслось...

«Ну, ясно», – подумала я и дальше просто молчала.

Когда всех отпустили, мы с Надькой вернулись в кабинет. Я прикрыла за собой дверь, бросила на стол, за который мы сажали допрашиваемых, два тома таможенного дела и с размаху заехала ногой по тумбе этого стола. Стол издал жалкий скрипящий звук и немного перекосялся. Отдала вчера дело на проверку, называется! Думала – не увижу больше!

– Пиздец! – сказала я, села на своё место и ударила обоими ладонями по крышке стола. – Больно-то как...

– Тань, да не бери ты в голову, – начала Надька.

– Ну, да – бери в рот! – передразнила я. – Что сейчас, в общем, и имело место быть. Уродство...

– Да, не переживай ты так... Чё ты вообще стала выступать-то?

– Выступить? – я даже отвлеклась от своих переживаний.

– Ну, что передавать там...

– Но, если на самом деле, когда мне это дело давали, он мне напрямую сказал: не заморачивайся, мол, запросы направь там, допроси тех, чьи объяснения есть – и пусть пока полежит... Потом мы его у тебя заберём и передадим в область – пусть они с ним и ебутся, раз хотели возбуждать.

– А, ну да – ты тогда ещё мне говорила... Везет что-то тебе на «политические» дела.

– Да пошли они, уроды!

– Так теперь оно у тебя станется?

– Получается, что так. Пиздец! Нет, ну надо же – я ещё с утра сегодня думала, что меня за Макарова иметь будут, а про это даже и не вспомнила! Когда же это кончиться?!

– А по Макарову как у тебя?

– Да никак, – хихикнула я. – Почти то же самое. Хрен я теперь по нему что-нибудь делать буду! Вообще палец о палец не ударю. Срок подойдет – приостановлю и всё! Пусть что хотят, то и делают! Навозбуждают сначала всякой дряни!..

– Ну, так отменят приостановление и тебе снова вернут.

– Да – плевать ...

– Давай кофе пить?

– Давай.

Надька включила чайник, достала из шкафа, заваленного бланками протоколов, две кружки, банку, сахар, сделала кофе, передала мне кружку.

– Фенк ю, Надин, – сказала я. – Итц вери кайнд оф ю. Итц вэ бэст финь ин вэ монинг – ту тэйк э кап оф кофи фром хэндз со бьютефул гёл.

– Это у тебя так истерика проявляется? – спросила она, посмотрев на меня очень недоверчиво.

– Типа того, – согласилась я. – Нет, ну смотри вот... – я подула в кружку, попробовала языком кофе, обожглась и поставила её на стол.

– Скажи мне, зачем вот так вот делать? Все понятно – никому в области это дело даром не нужно. Это, похоже, им дали понять... Ну, так почему нельзя это просто сказать мне отдельно?! Да, хотели, как лучше – получилось, как всегда. Какие проблемы?! Ну, ещё одним поганым фактовым делом больше. Мне вообще-то по-фигу: забрали бы его у меня или нет. Если бы забрали – дали бы что-нибудь другое, равнопоганое. Мне просто интересно – зачем *так*? И даже не во мне дело – мне плевать на эти их закидоны и визги. Но это же их самих характеризует – зачем так себя-то показывать перед всеми? Как будто никто ещё не понимает, что они собою представляют. Объясни мне!

– Как раз для того, чтобы представляли, – вздохнув, сказала Надька. – «Я – начальник, ты – дурак». Чтобы не расслаблялись... Кстати, тебе они это еще припомнят – что ты про договоренность вслух сказала.

– Да – плевать... Как Костя говорит: «На хую я их вертел!»

Надька заржала:

– Ну, тебе это трудновато будет!

Тут уже заржала я.

Дверь резко открылась – мы обе вздрогнули и подавились смехом. Заглянул Костя – тут мы снова грохнули, еще громче, с облегчением.

– Вот молодцы, девчонки! – сказал Костя, проскальзывая в дверь и плотно её прикрывая. – Вот это правильный настрой. Нас ебут, а мы крепчаем!

Мы с Надькой продолжали ржать. Я – уже на самом деле почти истерично, она – за компанию.

– Костя, кофе будешь? – сквозь смех спросила я.

– Да, нет, девчонки, спасибо – я попозже немного... Слушай, Танька, а что он на тебя в последнее время что-то наезжать стал?

– Понятия не имею, – я дернула плечами. – Очередь, наверное, подошла. У него, должно быть, какой-то список есть... – я опять стала давиться смехом, – вот он по нему и... От тебя же, вроде, отстал?

– Ну, это ненадолго. Он мне Бекмамбекову никогда не простит. Это сейчас я просто отстрелялся по мелким делам – пока нет до чего доебаться.

Кофе немного остыл, я взяла кружку обеими руками и, откинувшись на спинку стула, маленькими глотками стала пить, пытаюсь смаковать вкус.

– Нет, ну, а правда, – продолжил Костя, – ведь сейчас тебя не за что взяли – и мордой в грязь! Сам ведь он перед областью прогнулся, когда забирал это дело, а как что-то не срастаться стало – я-не-я и жопа не моя! Ну, так, ведь – правильно я понял?

– Ну, похоже на то, – я пожала плечами.

– Татьян, а ты не думала никуда свалить отсюда?

– Думать – думала, – улыбнулась я. – Ну, куда я, Костя, отсюда свалю? Кому я где нужна?

Я же делать-то ничего не умею...

Тут мне вспомнились мысли, которые мне пришли на совещании – про годы и перспективы – и мне снова погрузнело.

– Так, а батяня тебя, что, никуда не может устроить?

– Ну, если бы мог – я бы, наверное, здесь не сидела. Мне как-бы и самой уже поднадоели все эти игры...

– Сюда же он тебя устроил...

– Кто? – я удивилась.

– Ну, тебя же сюда в свое время отец устроил, с его помощью?

– С чего ты взял?

– Ну, то есть – нет?

– Да, нет, конечно! Откуда вообще это взялось? Кстати, я от кого-то это уже слышала, причем давно уже.

– Ну, я тоже краем уха как-то слышал – не помню от кого...

– Да мне без разницы. Я вообще после института пришла к начальнику СУ – такая девочка-припеочка... Здравсьте, дяденька, а возьмите-ка меня на работу! Ну, он и взял, я в райотдел и пошла...

– А потом – сюда? – спросил Костя.

– Да. Вот, а потом меня сюда уже прежняя начальница СЧ перевела, но это совершенно ни от меня, ни от кого ещё не исходило. Если я только чего сама не знаю?..

– Ну, может, я не так понял, – легко согласился Костя. – Значит, некуда тебе с подводной лодки деваться!

– Похоже на то...

– Но, я так понял, тебя, Татьяна, эти его выебоны не сильно трогают?

– Ну, а если бы они меня сильно трогали – что-нибудь изменилась бы?

– Тань, ну ты прямо – женщина-философ!

– За «женщину» – спасибо!

Мы опять поржали, уговорили-таки Костю на кофе, он сходил к себе, принес печенье, и мы стали пить кофе втроём.

– Я вот даже сам иногда думаю, что бросать эту работу надо к чертям собачьим, – говорил Костя, – только постоянно себя уговариваю, что до пенсии уже всего-ничего осталось, что нужно продержаться...

– А сколько?

– Три года еще.

– Ну, а мне-то – гораздо больше, – сказала я.

– Но и такое обращение тоже терпеть...

– Да дело в том... Меня-то это раньше как-то вообще не касалось.

– Вот я про это и хотел сказать – что ты, Татьяна, вроде как, всегда здесь на хорошем счету была. Я когда только пришел, мне уже говорили: мол, Танька – умная девка, у ней дела сложные. Потом ты сама мне помогала... Я смотрю – вправду девка не дура, потом смотрю – ты дела всё сдаёшь-сдаёшь...

– Да не так уж много я сдавала. У меня всегда полно приостановленных, прекращенных было.

– Так все равно, наезды эти на тебя – совершенно не за хрен ведь собачий. По большому-то счету, у нас есть, кто дуб-дубом, а ничего – хотят в фаворе...

– Костя, ты бы что-нибудь хорошее бы рассказал, – попросила я. – Веселое...

Тут зазвонил телефон. Я, было, потянулась к трубке, но отдернула руку и, скорчив жалостливую рожу, сделала знак Надьке, чтобы ответила она.

– Если это... эти – меня нет, – прошипела я в полголоса, хотя трубку Надька ещё не подняла.

– Следствие, – сказала она в трубку. – Да... Да, здесь... сейчас, – и протягивает трубку мне, шепотом поясняя: – С прокуратуры!

– Слушаю, – говорю я. – Да, доброе утро, Наталья Антоновна!.. Да... А какой отказной? Там их было два... Да... там по банку один, а второй – там заявление было от фирмы «Три слона»... Этот, да?.. А, ну это понятно...

Костя подумал, что это надолго, сказал: «Ну, я пойду», забрал свою кружку и вышел из кабинета.

– Я поняла, – продолжала я в телефон. – Хорошо... Я тогда приду сегодня, заберу его... Да-да, я поняла... Ну, конечно же... Да, всего доброго...

Я аккуратно положила трубку, прижала ладони к вискам и спросила:

– Ну, когда же это, наконец, закончится-то?

– Что там, Тань? – спросила Надька.

– Отказной по Минкиным отменили, там заявители в область в прокуратуру пожаловались...

– Ну, хоть дело не возбудили...

– Да, лучше бы они сами его возбудили! Они-то как раз возбуждать и не хотят, а нам направляют с указанием, что возбуждать надо! Всё не слава Богу!.. Ладно, после обеда заберу, Архипова обещала понедельник поставит отмену.

Я включила компьютер, принтер, допила остатки холодного кофе (редкая гадость!) и стала думать: чем заняться? Надька к этому времени уже достала из сейфа дело, раскрыла где-то на середине и что-то из него сосредоточенно набирала на своем компьютере. Я поднялась, подошла к сейфу, присела перед ним на корточки, открыла ключом нижнюю дверцу и стала туда смотреть... Дела мои лежали там аккуратно стопочками, двумя. Ничего мне не хотелось делать, ничегошеньки... Я стала раскачиваться взад-вперед, тупо глядя в сейф и пытаясь шепотом напевать «Королеву красоты» Агузаровой. Обожаю эту песенку! Вытащила самое тонкое дело, лежавшее наверху одной из стопок – вот, чем я сегодня заниматься буду! Бросила его на стол, ногой захлопнула дверцу сейфа, села на место. Вот такими бы делами только и заниматься! Тупая кражонка – просто прелесть! «Украл – выпил – в тюрьму!» Передопросить всех, привлечение набросать и – в суд. Все в суд! И на хрена опять мода пошла – забирать из райотделов такую мелочь? То есть, на хрена-то, понятно – чтобы статистику сделать, чтобы побольше дел в суд сдавать, а не только прекращать, да приостанавливать нашу любимую «экономику». Но само по себе: сто пятьдесят восьмая, часть вторая! Один эпизод, квартирная кража на сумму в две тысячи! И таких дел штук двадцать насобирали, и теперь мы – элита из элит – будем их расследовать, в суд направлять... Курам на смех! Но, зато – проще некуда.

Я стала листать дело на второй раз, первый – бегло пробежала его вчера, как получила. Параллельно стала выписывать на листок данные лиц: подозреваемый, потерпевший, свидетели – имена, адреса, телефоны... Черт, почти ни у кого не указаны телефоны – вообще никакие, не говоря уж о сотовых. Может, и вообще их нет... Как я их буду вызывать из ихней муть-таракани? Надо узнавать, кто опер в райотделе. Хотя, это практически гарантировано – дохлый номер. Ладно, разберемся. Через следователя – девчонки там обычно исполнительные... Так, жулик не арестован – плохо. Будет ещё как с Дроковой... Ещё ведь и её надо искать! А, пошла она! Объявлю в розыск – сразу притащат. На фига сейчас сделали, что арестовывают суды? Вон раньше, как хорошо было: притащил жулика к прокурору на санкцию, а у прокурора зуб болит или просто не с той ноги встал – так он со злости жулика и закрывает, и сидит тот, бедняга, два месяца, не бегают никуда, всегда под боком. Работай с ним – не хочу... Я

понимаю, конечно – тюрьмы разгрузить надо, криминалитет чтобы не воспроизводить и всё такое... Но... Но, да что это я?

Закончив список, я попыталась позвонить в райотдел, чтобы определиться с вызовом свидетелей и подозреваемого, но никто не брал трубку. Ладно – потом... Тогда я составила и распечатала запросы на жулика в «психушку», «наркушку», другие диспансеры, в ИЦ – по судимости. Потому что в деле – а там было всего листов двадцать – запросов не было. Скорее всего, следователь их всё-же направляла, но не факт, что они дойдут до меня – так что лучше перестраховаться, чем... Кроме того, набрала ещё запросы на характеристику жулика участковым и по его месту прежней работы. Он, оказывается, даже где-то работал! Ну и что, что три месяца назад уволился и работал-то всего полгода! Откуда бы ещё и что запросить? Наверняка, судим – так что потом копию приговора. Ещё что-нибудь придумаю – чем больше бумажек в деле, тем лучше.

Отнесла запросы в секретариат, вернулась к себе. Тут меня осенило. Я снова схватила дело и внимательно перелистала – точно, нет осмотра! Ну, что же это такое?.. Позвонила ещё раз в отдел, на удивление дозвонилась до начальницы следствия, узнала у неё телефон следователя, чье это было дело. Оказалось, нужно ещё раз набрать тот же номер – параллельный. Набрала – никого. Ладно... Нашла в компьютере образец, скопировала файл и стала набирать поручение в райотдел. Большое такое, развернутое. Сразу на имя начальника. Пишу, чтобы обеспечили явку на допрос жулика, свидетелей, чтобы предприняли меры к поиску похищенного, установлению лиц, кому были проданы похищенные вещи – в общем, всякую такую лабуду. Далеко не факт, что хоть что-нибудь из этого будет выполнено, но, по крайней мере, какие-то движения начнутся... Да и у меня в деле будет поручение; я направила, почему не исполнено – это уже не ко мне вопрос. Не то, что бы уж совсем не ко мне, но все же... Хотела ещё указать, чтобы сделали осмотр места происшествия, но не стала. Осмотр, во-первых, может и был сделан, просто протокол в дело не попал. Во-вторых, позвоню снова начальнице следствия, и протокол сделают. Наверное... В крайнем случае – съезжу и сделаю сама. Поручение будут исполнять опера, а лучше, чтобы осмотр был составлен следователем. Да и понятнее будет.

Распечатала поручение в двух экземпляра, перечитала – осталась довольна, подписала. Потом откинулась на спинку стула, потянулась и мечтательно промурлыкала, закатив глаза:

– Мусикапи!..

Надька оторвалась от своего дела, из которого она всё это время самозабвенно что-то перепечатывала, и спросила:

– Что – настолько?

Я молча улыбалась.

– Ты уже нашла бы себе кого-нибудь, – она отодвинула дело, поставила локти на стол и внимательно взглянула на меня. – Что-то ты мне, подруга, последнее время вообще не нравишься...

– Это у меня осенняя депрессия началась, – сказала я. – Знаешь, когда по утрам рассветает все позже, дожди постоянно...

– Ну, да – а до этого у тебя, значит, была депрессия летняя? Облегченная.

– Ха-ха-ха, – сказала я. Конечно, если собираешься в отпуск, на море, два месяца все планируешь, сама уже там мысленно... А тебе такой облом: пока не сдашь дело в суд – никакого отпуска! И ведь так я это дело и не сдала, как с самого начала и было понятно, что ни в какой суд оно не пойдет...

– А на самом деле, продолжала я. – Последнее время что-то такая апатия находит... Вчера вот как притащилась домой – ну, пока тех вчера всех допросила, уже в девятом часу – села на диван, в телевизор уткнулась и просто даже пальцем пошевелить не охота... Ни есть не

стала, ничего... Тупо каналы щелкаю... Потом просто вырубилась, посреди ночи проснулась, до кровати доползла, не раздеваясь – и дальше спать.

– Слушай, а хочешь, я тебя с Витькой познакомлю? – спросила Надька после некоторого размышления.

– Это с кем?

– Ну, помнишь, на прошлой неделе мы тебя встретили... на переходе еще?

– А... Так, а ты же сама с ним?

– Да это так, не особенно...

– А ты с ним уже... ну, это самое?

– Ага...

– Ну, и как?

– Нормально, кстати... Хорошо работает, не очень долго, правда... Но зато раза по три-четыре – запросто.

– Не плохо, – мечтательно сказала я. – Да, нет – мне он на рожу как-то не приглянулся. Знаешь, из серии: «А ещё я в неё ем!»

– Так тебе рожа-то – на что? Не рожа главное... Кстати, – Надька улыбнулась, прикрыв глаза, – на счет рожи... Он и языком классно может...

– Да? Ну, посмотрим... Не знаю – рожа меня все-таки смущает.

– Ну, смотри-смотри, – сказала она. – Какой-то завышенный у тебя... Как ты это говоришь?..

– Критерий подбора, – подсказала я.

– Да, вот он самый.

Тут оказалось, что время уже – обед.

– Ладно – хватит доказательства фальсифицировать, – сказала Надька, расписываясь на только что отпечатанном листе и вставляя его в дело.

– Это ты допросы набирала? – догадалась я.

– У-гу. Ты в столовку пойдешь сегодня?

– Да, мне вот только сейчас что-то есть захотелось.

– Пошли.

Мы вышли из здания, на улице было как-то по-сентябрьскому тепло, солнечно, лужи подсыхали. Перешли дорогу и минуты через три дошли до столовой, там уже были некоторые из наших, вообще многие из управления обедали здесь. Столовая сохранилась еще с советских времен почти не изменившись, но кормили там неплохо и не очень дорого. Мы с Надькой пообедали, вышли на улицу, времени до конца перерыва ещё оставалось полчаса. Я сказала, что пойду сразу в прокуратуру, за отказным – если будут искать.

– У них же обед позже заканчивается, – сказала Надька.

– Ну, прогуляюсь пока.

По дороге я вспомнила, что не подумала – как понесу материал обратно, а там был здоровый том, побольше многих уголовных дел. Пришлось вернуться в управление, взять в кабинете портфель, и тогда уже идти снова.

Иду себе, на солнце щурюсь, руки в карманы, портфель через плечо на ремне, лужи переступаю... Гуляю, в общем. На свои отражения в витринах гляжу – школьница такая примерная с занятий возвращается, как раз – с первой смены. Или барышня годов тридцатых – тоже забавно...

Хоть я и пошла вокруг, не по прямой дороге – но все равно в прокуратуре пришлось ждать, пока у них обед закончится. Прошла по коридору, читая таблички, повздыхала, что там моего имени не хватает, да и – делать нечего – вернулась к кабинету Архиповой, дожидаться. Когда щелкнул замок, я вздрогнула – оказывается, Архипова была у себя. «Дошираком» она, что-ли, обедает? – мелькнула мысль. Старший помощник прокурора, младший

советник юстиции Архипова Наталья Антоновна мне нравилась. Не за то, что была она грамотным специалистом – мне кажется, не была, хотя я и мало ещё с ней общалась. Но люди, знавшие её по работе в районной прокуратуре, подтверждали – не была. И не за то, что человек хороший – стерва она порядочная, дай бог многим женщинам быть такими... Но вот за уверенность в своих взглядах, однажды и навсегда избранную, железобетонную и твердолобую упёртость – за это не уважать нельзя! За тупорылую непоколебимость в отстаивании этих своих взглядов! Тут я говорю, конечно, о взглядах по работе – с другими её взглядами я, слава богу, не знакома. Так вот – и это я даже не столько на своем опыте говорю – мало, наверное, есть людей, да ещё и женщин, которые бы ни при каких обстоятельствах не давали бы себя убедить в своей неправоте. Ни при каких обстоятельствах... Пусть ты ей разжуешь все, по полочкам разложишь, объясняя свою позицию по делу – правильную и единственно возможную, на твой взгляд, конечно – и докажешь всё сначала спокойно и аргументировано, а потом уже с пеной у рта, тряся кодексом, но нет, не сможешь ты даже поколебать этой её уверенности, если в самом начале рассмотрения вопроса она высказала другую точку зрения! Пусть и абсолютно идиотскую. У меня до кодекса не доходило. Я выслушивать-то её возражения до конца с трудом себя заставляла... Потом, заручившись поддержкой начальства, выносила решение, и просто не очень удивлялась, когда Антонова его отменяла. Но, все равно – молодец! Да ещё эти бледские колготки в огромную сетку, которые она постоянно надевает с красной мини-юбкой и демонстрирует посетителям ноги из-под стола! А еще, когда ей надо что-то взять из шкафа, и она, не вставая, отъезжает на стуле вбок, этими ногами отталкиваясь... Это «что-то с чем-то», как говорил один наш следователь. Бывший, правда. В общем, девки наши её стойко, но тихо ненавидели, а парни – ну, тоже приличных высказываний себе не позволяли...

Забрав отказной у Архиповой – она и вправду сделала отмену следующим понедельником, так что у меня появились лишние три дня – я пошла назад, в управление. Правда, по дороге попала под дождь, а зонтик-то я с собой не брала. Так что пришлось идти быстрым шагом, а то, как было бы приятно – прогуляться под зонтиком...

Вернувшись на работу, я поняла, что делать сегодня больше ничего не буду, работать – в смысле. До меня стало доходить происшедшее утром; всякие дурные мысли полезли, наконец, в голову. О том, чтобы это все значило, и какие будут продолжения. Так что я забросила отказной в сейф, подколола запросы, которые составляла утром, в дело, и собралась пройти по кабинетам поклониться кофе, потому что у нас, оказывается, закончился. Ну и чтобы хоть как-то развлечься. Видимо, мне было сильно хреново, потому что, увидев в коридоре Владика, как он со своей самодовольной улыбочкой выходил из кабинета Насти и Ирки, я – в кои-то веки – решила сделать гадость. Я вернулась к себе, вытащила из сейфа, с самого низа дело, которое собралась приостанавливать на следующей неделе, и пошла в кабинет Владика. Вернее, кабинет-то это был следователя Зайцева, который до последнего времени занимал его один после того, как наши доблестные руководители – Макаренки недоделанные – отсадили от него пару лет назад молодого следователя, который раньше с ним работал. Ну, взбрело им в светлые головы, что Зайцев его плохому научит, то есть отобьет привычку рассматривать уголовные дела только и исключительно с обвинительной позиции и пытаться всеми правдами-неправдами запихнуть в суд любое дело. Но вот теперь посадили к нему стажера Владика. Просто больше девать некуда было, а так бы и оставался Зайцев в гордом одиночестве. Везде есть свои касты неприкасаемых...

– Добрый день, Михаил Владимирович, – как могла более чопорнее и светски произнесла я, входя в кабинет.

– Привет, Танюха! – как всегда бодро отозвался Зайцев, отодвигая лист бумаги, на котором он что-то чертил. Наверное, схему преступления, которое он сейчас раскрывал, или даже целой череды преступлений. – Как жизнь молодая?!

– Не надо! – почти выкрикнула я, подумав, что он имеет в виду утрешнее. – Не надо о грустном.

– Да я, вообще-то, тебя о личной жизни спрашиваю – как оно? Да, кстати: чай? Кофе? Водки? Жен... Мужчину?

– Да, вот, от женщины бы я не отказалась... – традиционно-мечтательно сказала я, поддерживая обычную нашу с ним игру.

– Когда-нибудь за такие слова и ответить придется, – встрял Владик как обычно серьезно и, что хуже, как обычно *на самом деле* серьезно. Нет, не зря я на гадость решилась...

– Вот так они только и грозятся, – сказала я тихо, заведя глаза к потолку.

– Кто они? – спросил Владик. Зайцев покотился со смеху.

– Я к вам, Михаил Владимирович... и вот по какому вопросу, – продолжила я, как ни в чем не бывало, тем же светским тоном.

– Слушаю вас, Татьяна батьковна!

– Не будет ли Михаил Владимирович так любезен, предоставив мне во временное пользование – исключительно в рабочем порядке – Владислава Альбертовича... Дело пронумеровать надо – не успеваю!

– Я рассмотрю вашу просьбу, Татьяна батьковна... Владька, тебе сейчас заняться нечем – выручай боевую подругу!

– Вот спасибо! – обрадовалась я. – Владислав... вас ведь не затруднит оказать мне любезность? – и положила перед ним дело, томик листов на триста. Его аж перекарежило всего, беднягу. Ну, невзлюбили мы друг друга. С первого взгляда.

– Пронумеровать и опись составить, – добавила я. – А подошью опись я сама – это святое. Ну, спасибо заранее! – и, кивнув, вышла из кабинета.

А ведь он кофе предлагал, – запоздало подумала я и решила искать дальше. Снова зашла к себе, взяла свою кружку, с которой не расставалась уже лет семь, с райотдела, и направилась к Насте, потому что, как я знала, у неё было. Интересно, чего это Владик сиял как новая копейка, выходя от неё? Да, семь лет – это много... Толкнула дверь, она не поддалась. Я по инерции толкнула сильнее, и дверь открылась. Шагнула в кабинет, почему-то разглядывая дно кружки в своей руке, а когда подняла глаза, то как-то даже смутилась. Дело в том, что за Настиным столом, на её месте сидел какой-то незнакомый мне парень. Больше никого в кабинете не было. Парень смотрел перед собой на стол, перед ним лежало раскрытое дело. Потом он посмотрел на меня. Ничего себе, кстати... Молоденький какой... В пиджачке, в галстучке, рубашка белая... И пялится на меня, как будто искренне не понимает, что это я тут делаю...

Я буркнула – скорее себе под нос – «Извините», и вышла в коридор, захлопнув за собой дверь. Вернее, даже не вышла – я и стояла-то на пороге. Интересно – кто такой? Может опер новенький – они там меняются с завидным постоянством. Да, скорее всего опер... Или следователь с райотдела – это его было одно из забранных дел, и Настя его уже выдернула косяки доделывать... Молодец! Потом у неё спрошу – приятная мордочка, интеллектом даже слегка обезображена...

Мои поиски кофе закончились в кабинете у Сашки, который предложил мне чай. У него и осталась – потрепаться.

– На счет того разговора, – как обычно без предисловий начал он, разлив мне и себе чай, который сам заваривал в веселеньком таком чайничке под гжель. – Почему Гитлер был не так уж и не прав?

– Потому что у него не было особо никакого выбора, он должен был проводить раз избранную и озвученную политику. Они выбрали расовый подход и уже не могли без ущерба для себя от него отступить, потому что какая-нибудь оттепель смела бы их самих в первую очередь. Это – власть, борьба за нее... – я развела руками, чувствуя, что мысль от меня ускользает. – Хороший чай, кстати.

– Спасибо, – Сашка заулыбался, как мне показалось, даже как-то смущенно. – И поэтому он был прав?

– Да никто никогда не был прав – ну, сколько можно говорить! Я же не оправдываю, а объясняю! У нас ведь было то же самое – только избрали классовый подход. И идея о том, что по мере построения социализма классовая борьба только обостряется – отсюда же. Необходимость закрепления своего положения у власти, а не какие-то там... – я покрутила пальцем у виска, – патологические нелюбови к евреям или помещикам с кулаками.

– С чем? – не понял Сашка.

– Ну, «кулаки» – крестьяне!

– А-а...

– Просто – где что лучше играло. Там лучшим объектом приложения ненависти народной оказались евреи, у нас – помещики, буржуазия. И обусловлено это было объективными историческими причинами.

– Ну, наверное... Но, все равно, и фашизм, и коммунизм – это преступники. Нет?

– И преступники – тоже. Но! Это не просто какая-то шайка забралась в Рейхстаг или Кремль и стала отсюда безобразия чинить, простой народ прессовать. Ведь не так. Народу только и надо было врага указать – не сами по себе эсэсовцы и энкавэдэшники террор творили, там такая истерия была, народ с таким энтузиазмом во все это впрягся... Охота на ведьм – все нормально. И в Штатах потом такое было, против коммунистов, да и вообще либералов. После войны. С поправкой на ихнюю демократию, но суть-то не меняется.

– Но в других-то странах такого террора не было.

– Да потому, что в других – более-менее лучше эволюционировали, к изменениям историческим приспособлялись, а не консервировали свои проблемы. В Англии революция была, и королю голову отрубили еще в – дай бог памяти – семнадцатом веке. Во Франции – в конце восемнадцатого, и с гораздо большей кровью, кстати. А у нас – «православие, самодержавие, народность»... Ну, и получили... Кстати, мы, хотя бы, всему миру показали, как не надо делать. «Новый курс» Рузвельта был, ведь, ответом на то... ну, чтобы не довести до революции, потому что там тоже серьезная ситуация была.

– Да? Я не знал, что-то...

– Была-была – поверь недоучившемуся историку.

– Может, ключевое слово – «недоучившемуся»? – улыбнулся Сашка.

– Да-да-да...

– А сколько ты, кстати, недоучилась?

– Да, я всего – один первый курс, и ушла.

– Почему?

– Дошло, что преподавательство – не для меня это. Как-то недолюбиваю я детей – ублюдки малолетние, да и сам процесс... Не мое это – у доски, перед классом.

– То есть? – Сашка как-то странно улыбнулся. Я подумала, что он понимает, что я хочу сказать, но хочет, чтобы я сама проговорила.

– Ну... стесняюсь я, – выдавила я из себя.

– Ага, а уголовные дела расследовать – не стесняешься? Преступников допрашивать? Этих всех директоров, которые у тебя по делам проходят?

– Ну, это все другое. И вообще, тебе преподавать, наверное, не приходилось.

– Тоже верно, – согласился он.

Тут в кабинет вошла Ирка.

– Саш, постановление на выемку есть? – выпалила она. – Бланк?

– Есть, сейчас поищу, – Сашка выдвинул нижний ящик стола и начал там рыться в ворохе бумаг.

– У меня в компьютере образец – сбросить? – спросила я.

– Не, мне так лучше – от руки. У меня человек там.

– А, кстати, Ир, что у вас за парень в кабинете сидел?

– Что?

– Ну, в вашем кабинете какой-то мальчик был – я заглядывала...

– Когда? – Ирка явно не въезжала.

– С полчаса назад.

– Не знаю, я из прокуратуры только пришла. Настя допрашивала?

– Он один в кабинете был. Писал что-то у нее за столом.

– Да? Ну, опер, наверное. У них там сейчас несколько новеньких появились. Как раз у неё материал – один из них направил.

– Ну, я так и подумала, – сказала я и отметила про себя, что с облегчением сказала. И ещё спросила: – А сама она где? Настя?

– Не знаю. На месте нет. Говорила... – Ирка задумалась, – на обыск она после беда должна была уехать.

– Вот, нашел, – сказал Сашка, протягивая Ирке заметно потрепанные серые бланки. – Три хватит?

– Хватит-хватит, спасибо! – она схватила бумаги и выскочила из кабинета.

– Ну, ладно, пойду я тоже, – сказала я, понимаясь.

– Приходи еще, – сказал Сашка.

Я зашла в туалет, помыла кружку, вернулась к себе. Надька болтала по телефону. Была половина четвертого. Еще час протянуть. А привыкла, ведь, за лето в три уходить. И то – не всегда... Я положила перед собой дело, разбудила компьютер, открыла там начатое несколько дней назад привлечение по Дроковой, сверху открыла «Косынку» и стала раскладывать. И вправду, может начать другую работу искать? – лениво думала я. Какую, где? Кому я нужна на гражданке в таком возрасте, без детей, без опыта, да ещё и сейчас? Да и не хочу я на гражданку, не думаю, что там чего-нибудь интересного есть... Чёрт, что же происходит-то? Где я что упустила? Минкины, по которым отказные? Долго уже всё это тянется, и конца не видно... Ну, запустила я эти отказные, ну тупо ничего по ним не делаю... Так там ничего и не сделаешь. Гражданско-правовые отношения в чистом виде. Ну, почти в чистом – все равно, умысел там никак не доказать. Неужели в этом дело? Бред какой-то... Ещё пасьянс не складывается, чёрт!

– ...ну, я не знаю... Я так сразу не могу, – это я краем уха слушала Надькину болтовню, обычный ее развод. – Нет, сегодня у меня вечер уже занят... Ну, что значит – что? Мы с подружками встречаемся... Что? Ну, ты вообще!.. Мы не такие... Не знаю, если ты только с такими и проводишь время...

Дал же бог напарницу! – зло подумала я. Взрослая, вроде, девка – как ей это всё нравится?

– ...нет – ты мне завтра звони, где-нибудь после обеда... Может, у меня время и будет... Может быть... Я, кажется, видела уже. Нет, этот – нет, можно и сходить. Ага... Нет, я мороженое люблю. Ванильное... да. Ну, ты заедешь за мной... ну, после того, как позвонишь, договоримся... а там посмотрим.

Да, сколько ж можно-то? – подумала я и поймала себя на мысли, что... не знаю даже... как будто ненавидеть начинаю ее. Впрочем, это тут же схлынуло, слава богу. Она еще поболтала минуты две, а я со злостью раскидывала виртуальные карты. Ну, ни одна раскладка не сходилась, хоть ты тресни! Если, на самом деле, попросить папку, чтобы провентилировал что-нибудь на счёт работы? – продолжала я рассуждать без особого энтузиазма. Так, на всякий случай. В конце концов, не думаю, что всё это, что произошло утром, сколь-нибудь серьезно. Просто, наверное, и впрямь моя очередь подошла... Надо же народу напоминать, кто в доме хозяин, и что чистеньких у нас не бывает. Ну, о тех, кого упоминал Костя, не говорим... Ну, преподавать-то я точно не пошла бы, даже если бы у меня было законченное образование. А ведь теперь мне и все остальные мои косячные дела вспомнят, раз началось... Надо будет подработать,

что можно. И райотделовские поскорее скинуть. Или – наоборот не торопиться по ним? Нет, лучше побыстрее, а то опять начнется: «плевые делишки... расследовать не умеем... люди в райотделах пашут... разленились... никого не держим... » И снова кроссовки мои несчастные вспомнят: «что – спортсменка, что-ли?.. только в полшестого с работы бегать!.. так бы дела расследовала!..» И тому подобное.

– Ты пить сегодня будешь? – спросила Надька. – Тебе бы надо, по-моему.

– Да, нет, наверное...

– Великий русский язык – понимай, как знаешь!

Я рассмеялась.

– Ну, может, и буду, но я ещё не приняла волевое решение.

– А, ну – смотри... Мы с Настей пойдем, в кафешке посидим. Может, ещё кто пойдет.

– Там же?

– Ну, да. Смотри...

– С Настей?

– Ну, да. А что?

– Да, нет – ничего. У тебя люди в понедельник с утра будут?

– Нет. После обеда только. Мне там осмотры надо будет заканчивать... А ты вызывала кого?

У нас была договоренность: без крайней необходимости на одно и то же время людей на допросы не вызывать, чтобы не мешать друг другу. А то бывало: у меня допрос с адвокатом, у неё – допрос с адвокатом. Допрашиваем, чуть не ругань, кабинет маленький, в общем – параллельный допрос какой-то. Не путать с перекрестным! Оба допрашиваемых говорят, адвокаты встречаются; однажды у меня было, что я начала набирать слова Надькиного свидетеля, вместо своего. А ещё было, что у меня – допрос арестованного, и у неё – очная ставка. Это значит, что у меня – жулик, конвой, адвокат, а у неё – двое допрашиваемых и один из них ещё и со своим адвокатом! И все в одном кабинете. После того случая мы и договорились.

– Сейчас хочу вызвать.

– Сейчас? Ты на время смотрела, подруга? Собираться уже пора!

– Ну, до кого успею – дозвонюсь...

– Трудоголичка хренова! – беззлобно сказала Надька.

Я стала обзванивать те телефоны, которые были в райотделовском деле. На удивление дозвонилась до потерпевшего и вызвала его на девять утра понедельника. При этом ещё минут пять убила, чтобы объяснить ему, что дело теперь в управлении, у другого следователя – у меня, то есть – и что надо его – то есть, потерпевшего – передопросить. В разъяснения о том, для чего это надо – потому что первый допрос в деле никуда не годился – я пускаться не стала. Потом, опять на удивление, дозвонилась до следователя, чье это было дело, и узнала у неё номер опера, который, правда, хоть и сотовый, не отвечал. Остальные вызовы пришлось отложить на понедельник. Вернее, попытки организовать вызовы.

...А вот, что я сделаю, – подумала я, все решив секунды за три. Поеду-ка я к дяде Альберту – вот что! Позвонить! Обшарила себя в поисках сотового – безуспешно. А – в плаще! Подскочила, залезла в шкаф, выудила из кармана телефон, стала искать номер. Нашла.

– Дядя Алик! Это – Таня, здравствуйте! ... Как вы?.. Да, спасибо... Нет, пока никого еще... Ну, так у нас правовое же государство... Чтоб кого засадить, столько бумаг исписать надо... Да-да-да... Ага... Дядь Алик, я что звоню... Ну, да! Можно?.. Ой, спасибо!.. Да, к вечеру подгребусь... Ага, до скорого... Ага... Хорошо...

Вот! И пошло оно всё! Свалю в горы! На двое суток! И нет меня! Кошка сдохла, хвост облез! Нет меня! И не было никогда...

Мне значительно повеселело... Двое суток... Вечность практически. Все выходные... И что я сразу не додумалась? Ещё же собиралась, позавчера думала... И Минкины понедельником отменены – счастье!..

Я выключила компьютер, собрала бумажки со стола и скинула их в ящик, придвинула к себе раскрытое райотдельское дело, поставила на него локти, положила подбородок на скрещенные пальцы и стала ждать, тупо улыбаясь.

- Чё улыбишься? – спросила Надька.
- Пятница...
- Дошло до утки!.. К концу дня – поздравляю!
- Ну, лучше поздно, чем... никому.
- Вот это – твой случай, это точно! Придумала что-нибудь?
- Ага...
- Что?
- Поеду к дяде, по горам похожу, по долам...
- И почему я не удивлена?..

В шестнадцать тридцать две, в соответствии с трудовым законодательством и даже заработавшись на две минуты, я вышла на улицу. Солнышко, тепло, и дождя как и не было... Подошла к машинке, открыла, забралась внутрь... Ну, давай, маленькая, заведись, плиз... Завелась, вот ты, радость моя! Спасибочки... Лапочка моя, зелененькая... Я дернула открывалку капота, вылезла наружу... Дура! Масла уровень собралась посмотреть! Открыла капот, захлопнула, вернулась за руль – ну, должно быть ещё нормально... Когда я там проверяла-то? Да недавно совсем... Вылезла снова, сняла плащ, бросила его на заднее сиденье, снова уселась за руль. Пусть прогреется... Включила радио, выключила; включила кассету... Да... Фармер... Да... Почистила дворниками лобовик от воды и листьев, жду...

Минуты через три я медленно вырулила на проезжую часть и покатила домой. Поднялась к себе, переделась. Вызвалила из недр шкафа сумку – собирать вещи... Так, что взять-то? Ну, да – стринги, еще одни – тогда будет и палатка и спальник... Да, полотенце захватить – в баньке поваляться. И деньги... Деньги-деньги... Черт, что ж так мало-то осталось?.. Ладно, до зарплаты у папки перехвачусь... Ну, ладно, не скучай! – это я собачке, которая у меня в прихожей на полке сидит, дом охраняет. Почесала ее за ушком, вышла, закрыла все замки, стала спускаться вниз... «Я королева красоты, я родилась на свете...»

Хорошо все-таки осенью – машин на дороге мало, почти никто из города не выезжает. Никакого сравнения с летом... Вышла на трассу, качусь себе, по сторонам любуюсь... Красотища, все-таки! Листья ещё не вся опала, холмы, перелески – желтые, красные пятна, попадаются даже кое-где ещё зеленые... Небо чистое, надо же – распогодилось...

Чем дальше от города, тем места становились красивыми, а воздух свежее. Начинались предгорья. Я сбросила скорость. Все-таки осень – это нечто! Красота неописуемая! Черт, ведь и осень-то почти уже заканчивается, а я даже из города не выбиралась! Вот так и жизнь вся пройдет, а что было?.. Всегда все на потом откладываешь... За город выбраться, в кино сходить, мужику перезвонить... А потом – смотришь: «Уж зима катит в глаза...» Ладно – молчи, грусть, молчи...

Совсем же забыла – отметить же надо! «Алло, пап, это – я!.. Слушай, я к дяде Алику поехала... Да, ну да... До воскресенья... Ну, взбрело... Хорошо, конечно... Что?.. А, да-да... Передам. И это тоже!.. Пока, давай!» Отметилась. Все – теперь ни для кого нет меня! И телефон отключить, нах!

Через полтора часа я добралась до места моего назначения. Поставила машинку на обычном месте напротив ворот, вылезла, потянулась... Хорошо. Дом стоял на улице, которая изгибами взбиралась в горку, так что вниз открывался вид на часть поселка и окружавшие его желто-красные холмы. За холмами уже поднимались горы, поросшие темными елями. Даже

только для этого стоило сюда приехать, чтобы вот так стоять, уперевшись руками в капот, глядеть вдаль, где тайга волнами уходит к горизонту, и дышать чистым осенним воздухом. Ну, а зимой стоит приезжать даже для того, чтобы не забывать, что настоящий цвет снега – белый.

Я достала сумку с заднего сиденья, при этом там с предвкушением звякнули бутылки – мы с дядей Аликом предпочитаем водочку. Тем более после сегодняшнего – мне сам бог велел выпить. Одну бутылку нам с дядей на сегодня-завтра, одну – ему в оплату за постой, такая традиция. Калитка в воротах были приоткрыта, и я вошла через неё. В гараже на том месте, где предполагалось стоять машине, размещался большой бильярдный стол. Шары ожидали, предупредительно уложенные в треугольник. Я разулась и по деревянной лестнице, ступеньки которой с моего последнего приезда успели обить ковролином, поднялась в дом. Внутри было уже темно, свет не включен, только видно, что на кухне горела подсветка над стойкой, и в полголоса бубнил телевизор.

– Эй! – позвала я. – Энибади хоум?

Ответа не было. Я аккуратно поставила сумку на пол, стянула куртку и повесила её на вешалку. Тут же висел дядин старинный неизвестного цвета, бесформенный плащ с капюшоном, который он таскал почти в любое время года. Значит – дядя был дома. Я прошла на кухню, определила одну из привезенных бутылок в морозильную камеру, а вторую – просто в холодильник. Осмотрелась. На плите что-то аппетитно шипело в большой закопченной чугунной сковороде с деревянной ручкой и ненормально большой полусферической крышкой. Я давно подозревала, что эта сковорода старше меня в несколько раз, и тайно мечтала выпросить её у Алика. Однажды я проговорила, так он дал мне понять, что – только через его труп, мы чуть не поругались. Чем-то он был привязан к этой посудине, но чем – я даже примерно не догадывалась. Рядом на столе были следы недавней и интенсивной готовки: разделочная доска, какие-то кости, картофельные очистки, обрывки зелени, открытые банки со специями и надкусанный бутерброд с ветчиной и сыром посреди всего этого. Я приподняла крышку, в ушко которой была забита бутылочная пробка, так и есть – свинина с картошкой! Прелесть, почти готово! С приездом я угадала. Помешала варево – потому что это было именно варево, в жирном бульоне, кипящее – деревянной лопаткой, такой же старой, как и сковорода, и сделала огонь поменьше – пусть доходит.

– Привет, Танчо! – услышала я у себя за спиной и, вздрогнув, обернулась. Дядя Алик стоял в дверях кухни, потирая руки и улыбаясь. – Что там, готово уже? – он кивнул в сторону сковороды.

– Да, доходит... почти, – я поморщилась, потому что не любила, когда он меня так называл, хотя и не говорила ему этого никогда. – Здравствуйте, дядя Алик! Вам от папы привет, а то забуду...

– Спасибо! А то я смотрю – машина уже здесь... Думаю, не успел отойти – уже приехала.

– А я думала, вы где-то в доме.

– Да нет, я тут буквально на две минуты вышел... Привезла калым? – он хитро подмигнул.

– А-то! – сказала я, похлопав ладонью по дверце холодильника.

– Отлично! – как всегда сказал он, при этом получалось это слово у него на какой-то то ли кавказский, то ли азиатский манер и звучало как «а-чи-ча».

– Как работа? Преступность в панике? – тоже как всегда спросил дядя.

– А-то... – вздохнула я. – Расскажу под это дело, – я покосилась на холодильник.

– Ну, ладно... Что – настолько плохо? Ну, молчу-молчу, – замахал он руками, видя, как я на него взглянула. – Ты уже сейчас есть хочешь?

Я задумалась.

– Да нет, я пока переоденусь, полежу минут несколько...

– Вот и хорошо. А через полчаса где-нибудь сядем – нормально?.. Я пока всё тут... – он повел руками по кухне. – Так что ещё немного перекушу, с твоего позволения, – и он подошел к столу, взял с него тот недоеденный бутерброд и стал жевать.

– А что это там у вас перед воротами – стекло битое? – спросила я, вспомнив осколки, которые мне бросились в глаза, когда заходила в гараж.

– Где? Какое стекло? – дядя всплеснул руками. На такой счет он был очень... Трепетно, в общем, относился.

– Слева от ворот, в углу, – сказала я. – Как будто бутылочное...

– Вот уроды! Не убрали, да и я не заметил, – сказал он с набитым ртом. – Приезжали тут вчера... Кампания одна... Думал – дом разнесут. Горцы хреновы!

– Горцы? – я заинтересовалась.

– Ну, шотландцы! – пояснил дядя, проглатывая последний кусок бутерброда.

– Какие шотландцы? Настоящие?

– Ну, ясно, какие – наши, русские. Нажрались вискаря, до гола разделись, юбки нацепили и давай в них канкан плясать и песни горланить.

– Вау! – только и сказала я. – Жаль, меня тут не было...

– Да, нет – будь ты здесь, ты бы жалела как раз об этом, поверь...

Тут зазвонил телефон, который висел на стене рядом с холодильником – прямо у меня под ухом, поэтому я опять вздрогнула и машинально повернулась к нему. На трубке были жирные размазанные следы пальцев, как если бы ею жонглировали. Я сделала шаг в бок, кивая дяде на телефон.

– Ты вещи в машине оставила? – спросил он.

Я помотала головой и показала глазами на свою сумку, прислоненную к холодильнику. Телефон звонил. Я ещё раз сделала движение головой в сторону аппарата и пошла из кухни.

– Алло! – услышала я, уже поднимаясь на второй этаж, а потом – резкий удар, какие-то стуки и неразборчивые восклицания дяди. Похоже, что он уронил телефонную трубку.

Я поднялась на второй, а на самом деле – даже на третий этаж, где были четыре спальни и ванная. Зашла в «свою» комнатку, самую маленькую. Тут было как-то слишком уж прибрано: кровать заправлена ровно-ровно, без малейшей складочки, шторы на окне раздвинуты и висят совершенно симметрично, само окно приоткрыто, так что в комнате немного прохладно, пыли на тумбочке и на полках нет вообще. Короче говоря, необычно. В общем, я сама тут прибираюсь, когда уезжаю, и дядя старается не пускать сюда никого на постой, если не заняты остальные комнаты. Если же здесь кто-то и живет, то дядя, конечно, наводит потом порядок, но без такого вот фанатизма. Еще больше меня удивила стоящая на подоконнике массивная хрустальная пепельница – я не сразу заметила её за шторой – причем абсолютно чистая, скрипящая от чистоты, когда я взяла ее в руки. Никогда ее, кстати, у дяди не видела.

Я бросила сумку в угол, закрыла окно и повалилась на кровать. Хорошо... В комнате до сих пор пахло обструганным деревом от деревянных панелей, которыми были обделаны все стены и потолок, хотя дому было уже лет... ну, много лет.

...Хорошее, все-таки, место, думала я. Как мне нравится сюда приезжать... Вроде бы ничего особенного, но так мне здесь хорошо, спокойно, что-ли... Выключаешься здесь в момент от всего-всего. Только что ведь была работа, дела, фигня эта утром, потом за рулем два часа, а как будто не со мной все это. Как будто я всегда тут валялась в этой кровати, на этом вот старом мохнатом шерстяном покрывале, которое я помню с детства, паялилась бесцельно в деревянный потолок... И за окном верхушки сосен покачиваются, и снизу из кухни доносится звяканье посуды и запах мяса...

Я вздрогнула отчего-то и поняла, что начала засыпать. За окном почти совсем уже стемнело. Я встала, не включая свет, вытащила из сумки «домашнюю» одежду – старые джинсы и джинсовую же рубашу, которые таскала ещё в школе. Потом увидела в сумке полотенце...

Точно – надо под душ залезть, а то грязная, как не знаю что! Когда тянула полотенце из сумки, из него на пол грохнулась книга – совсем забыла, что прихватила её, когда собиралась. Франсуаза Саган, томик, перечитанный мною до дыр тоже ещё в школе. Всегда беру его в какие-нибудь поездки и читаю с первого попавшегося места. Не всегда, правда, руки доходят. Поставила книгу на полку, где и так уже обосновался мини-филиал моей библиотеки. Учебники ещё с института... Как я тут готовилась к экзаменам! Как обычно, когда оставались один-два дня и целая ночь, а потом ехала рано-рано утром на автобусе в город и всё сдавала... Первые мои книжки Стругацких, разных издательств, в мягких потрепанных обложках... Тоже таскала их раньше везде с собой, потом осели тут. Вот какой-то постперестроечный учебник по психологии. Кстати, покупала его где-то здесь, когда ещё книжные лотки стали появляться где-не-попадая, чуть не в овощных магазинах. Так тут и остался, кажется, и до середины я его не осилила. Забавно – мои книги уже стали частью интерьера, в общем-то, даже не моей комнаты... А вот составлены они на полке были совсем не в том порядке, в каком обычно. Кто-то терем прибирал, да хозяев поджидал... Да, уж – хозяев...

В душе я пробыла минут минимум пятнадцать, вообще кажется, бесконечно долго могу стоять под душем. Вылезла из кабинки, протерла ладонью запотевшее зеркало, попрыгала на одной ноге, выбивая воду из уха. Тоже вот забавно: много лет уже сюда приезжаю, а где-то подсознательно всякий раз удивляюсь, когда захожу в душевую кабину – не вяжется она у меня никак с образом «деревенского» дома. Приоткрыла дверь, выглянула – вроде, никого, и пробежала в свою комнату одеваться. Однажды смешной случай был. Тоже наплюхалась в душе, голову полотенцем обмотала и выплываю себе такая королевишна – в чем мать родила. И уже за ручку двери в свою комнату берусь и краем глаза замечаю какого-то незнакомого мужика, офигевшего полностью, в дверях соседней комнаты. Оказалось, он только что приехал, а дядя мне то ли не говорил, что гостей ещё ждет, то ли я его не слушала... Ну, мужик в общем адекватный оказался, потом мы ещё вместе и ржали над этим.

Я оделась в «домашнее», вернулась в ванную, причесалась там, построила себе рожи в зеркало и пошла вниз. Как ни странно, но дядя говорил по телефону. Вряд-ли все ещё с того звонка, но меня это позабавило. Впрочем, разговор уже заканчивался, я услышала только, как дядя сказал в трубку «хорошо», и повесил ее.

– Где сядем? – спросил дядя. – Тут или в зале?

Знал, ведь, чем меня можно вогнать в ступор. Дело в том, что мне бы хотелось и там, и там. В зале был массивный деревянный стол с толстыми точеными ножками, которые и «ножками»-то назвать было неприлично – такие там были столбы. Кстати, сам стол – овальный. На столе – чугунные подсвечники с толстыми желтыми свечами, вокруг стола, под стать ему самому – большие деревянные стулья с высокими прямыми резными спинками. Сам стол – перед широким окном, откуда вид на долину, где светят огоньки поселка и фонари на трассе. По сторонам окна – толстые темно-зеленые портеры, а справа от окна – настоящий камин, правда, сейчас не растопленный. В общем – такой кусок какого-нибудь баронского замка где-то во глубине времен. Да, чуть не забыла – над столом свешивается на цепях клепаный металлический обруч-люстра. Правда с него свечной воск не капает на головы, там, конечно же, электролампочки. Так вот... А на кухне, наоборот, все компактно: небольшой прямоугольный стол, но тоже деревянный и весь такой «деревенский», мягкий угловой диван, плетеные стулья. Оранжевый плафон почти над самым столом, свет от него как-бы ограничивает пространство стола и чуть вокруг него. Это называется «уютно», хотя само слово мне не нравится.

– Давайте здесь, – сказала я, имея в виду кухню.

– Отлично, – согласился дядя, – меньше таскать.

Он водрузил на середину стола ту самую чудесную шкворчащую сковороду, подложив под нее старую разделочную доску, чтобы не портить стол. Расставил чашки со взявшимися откуда-то салатами, тарелки с маринованными огурчиками, помидорками, плоску с грибоч-

ками, сыр, нарезанный широкими, но такими тонкими пластиками, что через них, как говорил дядя, «можно читать газету». Вот это вот меня в нём тоже всегда озадачивало, потому что все остальные продукты – овощи, хлеб, колбасу там – он всегда рубил здоровыми кусками и ломтями, совершенно не заботясь ни о какой эстетике. Впрочем, своеобразная эстетика была и в этом, и ему она как раз подходила – оттяпать от буханки чуть ли не четверть, набросать туда несколько ложек майонеза, сверху – шмат сала или ветчины, сверху – немерено горчицы, и жрать это, неподвижно зажав в руках и отхватывая куски, дергая голову назад. Разбрасывая крошки... Странные, все же, бывают люди – в очередной раз отметила я про себя. Хотя, какие это странности? Так...

Потом дядя положил передо мною тарелку, вилку, ложку, поставил рюмку и стакан для запивона – морс был уже на столе в запотевшем графине, какие я видела, кроме как здесь, только в старых фильмах на столах в серьезных кабинетах. Себе также поставил приборы и, наконец, опустился на стул напротив меня. Я всё это время восседала на диване, поджав под себя ноги, и смотрела. У нас распределение обязанностей: дядя готовит и накрывает, я – убираю со стола и мою посуду.

Я вопросительно приподняла бровь, дядя хлопнул себя по лбу, опять подскочил и, слазив в холодильник, поставил на стол водку, снова сел и принялся открывать. Бутылка на глазах покрывалась изморозью. Открыл, поставил, поднял крышку со сковороды, откуда выплыл клуб аппетитно пахнущего пара, мы положили каждый себе того божественного варева, которое там ещё жило своей жизнью. Потом разлил по одной, по первой...

– Ну, за встречу!

– Да, спасибо тебе, господи, что я дожидая до пятницы...

Мы выпили, я набросилась на еду, дядя, впрочем, тоже. Выпили по второй, мне стало хорошо, и тут началось неожиданное.

Послышался стук во входную дверь, потом звук открывающейся двери и шаги. Со своего места я увидела через зеркало, висящее в зале, какого-то мужчину, который стоял в темноте на пороге зала и осматривался, как будто ожидая встречи.

– Тук-тук, – сказал он в пустоту и постучал по косяку.

– Иду-иду, – прокричал дядя, поднимающийся из-за стола. – Надо, же – как учуял жратву, – сказал он уже тише.

Пока дядя с незнакомцем здоровались, я успела пожалеть о загубленном вечере, так как увидела, что незнакомец вешает свою куртку на вешалку и, судя по всему, тоже остается на постой. «Набухаюсь по-быстрому, и пойду спать» – подумала я.

Дядя провел незнакомца на кухню и представил нас.

– Очень приятно, – сказала я, улыбнувшись и кивнув. Кстати, незнакомец был ничего себе... Лет тридцать, не больше, но хорошо сохранившийся – наверное, ему обычно дают двадцать пять, если хотят польстить. Волосы скорее русые, чем рыжеватые, короткая стрижка. Не очень высокий. Глаза, вроде, серые. Это хорошо – нравятся мне светлые глаза, не всякие там карие, черные...

– ...Как доехал? – тем временем спрашивал его дядя.

– Да, блин, гаишники... – тут он употребил ненормативное существительное во множественном числе, соответствующее слову «гомосексуалисты», и прилагательное того же качества, наиболее близко соответствующее определению «имевшие половые сношения». – Никогда же их там не было... на повороте там, перед развилкой! И ведь все по форме оформили... подпись, протокол! Полчаса с ними убил! Уроды, рота козлов! Тоже мне – правильные менты, честные гаишники, мать их! Так они еще страшнее...

– Ну... возможно, не стоит в таких выражения в присутствии представителей правоохранительных органов... – мягко проговорил дядя, взяв его за руку.

– Где? – спросил он и резко обернулся в темный зал, будто ожидая увидеть там ту самую роту тех самых козлов.

– Да нет, – дядя развернул его обратно, – вот Татьяна у нас имеет честь быть представителем этих самых органов, некоторым образом...

– Упс! – он явно смутился, забегал глазами и разулыбался. – Вы, хотя бы, не... гаишница? – с надеждой спросил он.

– Да нет, я – следователь.

– Ну, слава богу! Вы меня извините, если что...

– Да все нормально.

– Ну и хорошо. Но, все равно, гаишники – ..., – он опять употребил эвфемизм слова «гомосексуалисты». – Разве нет?

– Бывают, – сказала я. – Я с ними, как водитель, не сталкивалась.

– Не водите?

– Почему? Вожу, меня просто не останавливают никогда.

– Да? Везет... А давно водите-то?

– Лет десять, – пожала плечами я.

– Сколько?! – у него, бедняжки, аж глаза округлились. И повторил, много более уважительно: – Везет...

После этого он пошел переодеться, умыться и минут через пять присоединился к нам. Мы с дядей уже успели пропустить по третьей, ну и его, естественно, заставили пить штрафную. В том числе за оскорбление скромных тружеников дорожной полиции. Такую формулировку предложила я; он посмотрел на меня как-то странно, но выпил – видать тоже не искал повода оставаться в трезвости.

– Какие... «скромные труженики»? – спросил он; я испугалась: как бы не завелся он на этой теме. Впрочем, по глазам было видно, что он хочет пошутить и спровоцировать меня.

– Это же позор всей правоохранительной системы, это ходячая, махающая палкой компрометация всей государственности, жадная до денег и власти. «Гаишник» – это не профессия, это диагноз. Вот вы там работаете, может быть, вы видели хоть одного *не* тупого и *не* жадного гаишника? Может, их прячут от народа, чтобы не позорились?

– Ну, зря вы так, – улыбаясь, вяло оправдывалась я. – Вы просто расстроены из-за этого происшествия.

– Конечно, расстроен... Храбрые уличные инспектора они, а не «скромные труженики»!

– Ну, можно и так сказать, но они же не всегда в черте города несут свою службу, на улицах... – я пыталась не рассмеяться. Он был в ступоре: смотрел на меня во все глаза и пытался понять, стебу я над ним или нет.

– Это аббревиатура, – пояснил он.

– Абре... что? – спросила я.

– Ну, «храбрые уличные инспектора» – прочитайте... аббревиатуру – сдался он, но все-таки не сказал «прочитайте по первым буквам».

– Фи, какая гадость, – сказала я. – Мне вот их даже жалко иногда: стоят себе и в зной, и в стужу на дороге. Пресекают правонарушения... И в дождь тоже стоят, кстати. Ну, а что поделывать, если тупы и корыстны – таким ведь тоже надо семьи кормить, не стерилизовать же их в детстве.

– Убивать из рогатки, – вставил он.

– Ну, это же не наш метод. Со временем всё будет хорошо, когда у нас изменятся представления общества о власти и о самом себе, это ведь не сами люди по своему извращенному умыслу выдумали образ гаишника и вышли на дорогу, это их государство поставило, а условия для такого образа возникли века назад и исчезнут тоже не скоро...

– Жаль, только жить в эту пору чудесную уж не придется ни мне, ни тебе, Танчо! – как-то слишком уж живо произнес дядя, который, как я заметила, озадаченно наблюдал последние минуты, как эту Танчо несло.

– Давайте, хоть выпьем за это, – предложила я, поморщившись.

– За то, что не придется или, что так будет? – спросил он, когда мы уже чокались. Мы рассмеялись и выпили без ответа.

– Так, вы прямо уголовные дела расследуете? – спрашивал он.

– Ну, да, – кивнула я.

– А какие именно, ну... по каким статьям?

– В основном – то, что называется «экономической направленности». Мошенничества, присвоения-растраты – такую, в общем, чушь...

– Ничего себе – чушь! Не хоте бы я у вас под следствием оказаться.

– Почему это? – выпалила я, как всегда, не думая, а потом рассмеялась. – Извините...

А, что – есть основания?

– Да, вроде, нет, это я так...

– То есть – я сама вам не понравилась?

– Да почему же?! Вы... привлекательная девушка.

– П-привлекательная особа! – тут я просто заржала. – К-какой изысканный комплемент!

Смотрю, как-то странно он на меня глядит, но остановиться не могу... Просмеялась.

– Вы, главное, если под следствием окажитесь... Ну, не дай бог, конечно! Вы можете ни на какие вопросы не отвечать. Говорите, что пользуетесь пятьдесят первой статьей.

– Статьей чего?

– Конституции рэ-фэ, конечно!

– А... Ну, спасибо... Что бы я без вас делал? Будете ещё?

Ещё бы я не буду! Спать мне уже идти не хотелось. Он разлил ещё, и мы выпили молча, глядя друг на друга. Кстати, за столом мы остались уже одни – дядя как-то незаметно исчез.

– Может быть, перейдем на «ты»? – предложил он.

– Это ещё зачем? Мы же ещё мало знакомы, гражданин, – я улыбнулась. – Часа два всего, меньше.

– А, ну да... В таком случае, конечно, преждевременно...

Мы оба засмеялись. Потом повисла пауза, я пристально смотрела на его, улыбаясь, сжав губы. Ну, и как дальше?

– А ещё что расследуете? – нашелся он. Молодец.

– Ну, взятки там... – начала я.

– Взятки-гладки? – неожиданно сказал он, усмехнувшись.

– Смотри с кого, – ответила я и продолжила, – подделки документов, превышение должностных полномочий, подлоги... ну, кражи, грабежи-разбои...

– Это тоже экономическое?

– Не совсем, но... подследственность же у нас большая, а «экономика» – это специализация, но не... исключительная. В общем, что дают, то и расследуем.

– А убийства?

– Нет, это – прокуратура.

– А вы где работаете? – искренне спросил он.

«Тупые гражданские!» – подумала я и объяснила.

– Понятно, – сказа он. – А я думал, что раз следователь – значит в прокуратуре...

– Восемьдесят процентов уголовных дел расследуется следователями органов внутренних дел, – назидательно сказала я.

– Милиции? – переспросил он.

– Да... милиции, – вздохнув, согласилась я. – Меньше надо смотреть сериал «Тайны следствия».

– Да его смотрят в основном ради главной героини.

– Да? Не ради сюжета? Ну, тогда ладно...

– А про подделку документов вы говорили – это каких?

– Да всяких разных, но это в основном идет как способ совершения других преступлений – того же мошенничества.

– А вы сами умеете что-нибудь подделывать? Ну, то есть... знаете, как что делается?

– Ну, только в общих чертах, я же не эксперт. А вы бы, что – научиться хотели какие-то документы подделывать? – тут я снова засмеялась и добавила: – Лотерейные билеты, например?

– Почему именно лотерейные? Акции «Газпрома», например.

– С размахом мыслите, – я уважительно кивнула. – Хороший мошенник из вас бы получился.

Потом мы довольно долго – ну, как мне показалось – ещё болтали о всякой ерунде, не помню какой, смеялись, в общем, вели себя, как будто знакомы тысячу лет. Мы сидели напротив друг друга; я, глядя ему в глаза и улыбаясь, положила руки на стол. Он взял мои ладони в свои, и мы так сидели ещё какое-то время, почти ничего не говоря, только улыбаясь и играя в гляделки. Признав свой очередной проигрыш, да и хотелось уже дальнейшего развития, я пересела рядом с ним, и мы стали целоваться. Вскоре я поднялась и, молча, потянула его за руки в сторону лестницы. При этом я заметила, что меня уже хорошо пошатывает, так что я почти что повисла на нем, когда он вскочил; и так мы в обнимку, целуясь, двинулись из кухни. Выходя в зал, я хлопнула рукой по выключателю, гася лампу над столом. В голове прошла мысль, что завтра с утра надо будет быстро помыть посуду, а то неудобно перед дядей. Свет на лестницу попадал только снизу из прихожей, так что было почти ничего не видно. Мы, запинаясь, обнимаясь и подталкивая друг друга, стали подниматься. На втором этаже он потянул меня куда-то в сторону – в его комнату, поняла я. Ну, нет... и я затащила его в свою...

...Тилим-тилим-тили-ли-ли-лим... Проспала?! Я резко села на кровати, шаря рукой вокруг подушки в поисках орущего телефона. Нашла, вырубил, покрутила, щурясь, головой... Комнату заливал серый предутренний свет... Окно, холмы в тумане, комната, отделанная деревом, а это... Ах, ну да...

– Привет, – сказала я, пока он ошалелыми глазами пялился на меня, приподнявшись на локте.

– Ты... будильник ставила? – хрипло спросил он.

– У-гу, – сказала я, закрываясь простыней, и чмокнула его в плечо. Целоваться не стоило, учитывая, как от меня должно было разить после вчерашнего. Да и от него тоже.

– А зачем? Ты... уезжаешь?

Я с приятным чувством уловила в его голосе то ли растерянность, то ли сожаление. Или захотела уловить.

– Да нет... Я всегда в субботу на утро будильник ставлю... Ну, чтобы отключить и дальше спать, – зевая сказала я и легла.

– А-а, понятно... Я как-то даже испугался звонка.

– Совесть у тебя не чиста. Давай спать.

– Ты меня еще и ночью напугала, – сказал он, вытягиваясь на спине.

– Чем? – замерла я.

– Ты во сне руки тянешь вверх, к потолку. Жутковато...

– А, – я перевела дух, – да, бывает у меня такое. Я говорила что-нибудь?

– Да, вроде нет...

За окном, вдалеке послышался собачий лай

– Чёрт, – сказал он, – мне ещё всю ночь собака снилась.

– Просто, наверное, сквозь сон слышал, – сказала я.

– Нет. Именно снилось, что сидит на снегу и воеет собака.

– К покойнику, – сказала я и, повернувшись к нему, спросила: – Большая?

– Московская сторожевая.

– Ничего себе! – сказала я и повторила, закутываясь в одеяло и отворачиваясь к окну: – Давай спать.

Он ничего не ответил, но скоро, уже проваливаясь в сон, я почувствовала как его рука скользит по моему бедру. Ну, уж нет... По крайней мере, не сейчас. Я, не оборачиваясь, вытащила его руку, положила сверху на одеяло себе на талию и снова стала засыпать. Так хорошо...

День второй (суббота)

Когда я проснулась, было уже всю светло, солнечные лучи сияли на деревянных стенах комнаты, окно было приоткрыто, с улицы слышалось чирикание птиц и больше ничего. Я повернулась на другой бок, искала телефон, чтобы посмотреть время, но под подушкой, куда я его сунула после звонка будильника, его не было. Зато он оказался на тумбочке рядом с бутылкой минералки и стаканом, причем вода была уже и в стакане. Славный мальчик, заботливый... Напившись и поставив чуть дрожащей рукой стакан на место, я поняла, что чувствую себя, в принципе, неплохо. Мне не хотелось даже дальше валяться в постели. Неужели, я выпалась, господи? – подумала я, вылезла из-под одеяла, накинула рубаху и пробежала в душ.

Осторожно спускаясь по лестнице, я прислушивалась к звукам на первом этаже. Звуки доносились из кухни, как, впрочем, и запахи, и обещали завтрак. Я вошла на кухню, заботливый мальчик готовил яичницу с ветчиной.

– Есть будешь? – обернувшись, спросил он меня. – Привет...

Вчерашняя посуда была аккуратно составлена рядом с мойкой, и, судя по всему, дожидалась меня.

– Буду, спасибо, – сказала я и села за стол. – А дядю не видел? Привет...

– Нет... Он, вроде, вчера говорил, что рано уйдет куда-то, что я его утром уже не застану.

– Ясно.

– А он твой родной дядя?

– Нет, он вообще не дядя... Ну, не родственник. Это просто я с детства привыкла его так называть. Он друг моего отца.

– Ясно...

Мы молча позавтракали, выпили кофе, который он тоже сварил.

– Я сейчас уезжаю, – сказал он. – Приятно было познакомиться...

– Мне тоже... – до меня только сейчас дошло, что он был почти одет, только куртка должна была висеть на вешалке. И портфель, с которым он вчера приехал, лежал здесь на стуле.

– Дяде что-нибудь передать? – спросила я, мне было интересно, вернется он вечером или нет.

– Да нет, ничего. Мы вчера все обговорили, – он улыбнулся, – когда я только приехал. – Привет передавай!

– Хорошо...

– Дверь закроешь?

– Конечно...

– Ну, пока...

– Счастливо!

Он оделся, вышел, я закрыла дверь, услышала, как внизу хлопнула дверца машины, потом завелся мотор. Я пошла мыть посуду.

Блин! В голове определенных мыслей не было, так – обрывки мыслей... Не спросил мой телефон... Ну, по крайней мере – не стал навязываться... Свой не оставил... Но, наверное, подумал, что я смогу спросить у дяди... А, если у него нет? Да, нет – должен быть... Они же знакомы... Блин! Что это со мною?.. Кстати, мой телефон он тоже у дяди может узнать.

Потом я оделась и вышла на улицу. Дверь закрыла своим ключом. Солнце поднялось над горой напротив и хорошо нагревало склон, на котором стоял дядин дом. Я стала спускаться по улице вниз, к поселку, и всё глядела по сторонам на поросшие лесом холмы – такая красота... Местами, где был крутой спуск, я почти переходила на бег, и волосы, хоть и не длинные они у меня, били по глазам. В принципе, плана у меня на сегодня никакого не было – так пошататься бездумно, на гору подняться... Вот ведь что забавно: много лет уже сюда приезжаю, поднимаюсь на гору на подъемнике и летом и зимой, но вот на лыжи встать или, упаси господи, на борд – этого никак себя заставить не могу. Есть вещи, которых я, наверное, просто не понимаю. Горные лыжи – среди них, хотя на беговых время от времени и покатываюсь. Помню, когда я поднялась на гору в первый раз – летом с компанией знакомых – так чуть насмерть там не замерзла. Конечно, если заехать на подъемнике на самый верх в одной маечке... Хорошо, добрые люди там, наверху водкой отогревали и дождевик какой-то дали. Помню, что горы тогда вокруг мне показались почти как на Кавказе, где я была в детстве... Хотя, конечно, как я потом поняла – никакого сравнения. Но ощущение было очень сильное, как будто попадаешь в другой совершенно мир. Словами не передать...

Я дошла до поселка и направилась к остановке – все-таки тащиться пешком такую даль не очень-то хотелось. Вдруг подумалось, что надо было подъехать на машине, хотя тут я стараюсь не ездить, а просто ходить себе спокойненько пешочком, релаксировать... Меня даже удивила эта своя мысль – «зачем на машине-то?» Что-то в голове у меня, все-таки переключило с этим... Интересный мальчик, надо признать. По крайней мере, поболтали мы с ним здорово, легко с ним было. Ну и остальное – тоже ничего... Звонить ему потом или нет? Буквально: «быть или не быть?» И что я ему скажу?

Чтобы срезать, я пошла дворами – дворы тут советские ещё такие, зеленью все заросшие, асфальта кот наплакал, с бабушками на лавочках у открытых деревянных дверей подъездов...

Кстати, о бабушках. Сидит вон одна такая – даже скорее просто ещё пожилая женщина – на складном стульчике рядом с песочницей, где мальчик годов четырех копается. Вернее, копался, а теперь отбросил совочек и вот-вот зареветь готов. И она быстро-быстро начинает ему что-то рассказывать. Сказку какую-то, что-ли. Как-будто с середины или откуда там ещё. Видать раньше уже начала: «...а в горах жил-был чародей... Умный-умный, старый-старый...» Задумалась – видать на ходу сочиняла. «А потом в горы пришла девочка, заблудилась, отстала от группы – а она туристкой была – думала уже замёрзнет в горах... Но в последний момент набрела она на пещеру, где жил чародей, он её отогрел, напоил-накормил, и стала она у него жить...» Чем все закончилось для девочки, я не узнала, не останавливаться же было и спрашивать: «Можно я тоже послушаю, страсть как интересно». Да и ситуация какая-то двусмысленная – девочка, наверное, маленькая ещё (хотя, кто маленькую девочку в горы потащит?) – попадает в не пойми какую пещеру, к не пойми какому чародею (старому-старому), который живет там хрен знает сколько лет или веков... И чем она там, спрашивается, может заниматься?.. Чародей-то, поди одичал за это время... Хотя, может он её просто чародейству своему будет учить, и станет она великой чародейкой какой-нибудь там первой категории... Всё ведь может быть у них, у чародеев.

Я вышла со двора на улицу и пошла вдоль дома, за которым уже была автобусная остановка. В доме был продуктовый магазин, и на его крыльце стояли двое парней, посасывая пиво. Я даже облизнулась мысленно. Молодцы – с утра выпил, и весь день свободен! Один что-то оживленно доказывал другому: «Да у меня в войну там бабка родная погибла! Вернее, без вести пропала». «Да тебе сколько лет-то?» – это другой спрашивает. «Так он на моей матери

уже второй раз был женат, поздно. А бабка как отца родила в восемнадцать – сразу его своим родителям отдала и на фронт попросилась. Она уже до этого в каком-то диверсионном отряде служила. Ну их и забросили летом сорок второго на Кавказ, как раз перед приходом немцев или как раз во время... Туда семнадцатая немецкая армия рвалась. Перевалы что-ли они там какие-то должны были удерживать». Ну, да – «Первый отряд» буквально, подумала я, проходя мимо. А потом ещё и умилилась – какое поразительное для наших времен и ихнего поколения знание истории: «семнадцатая армия...» Если не четвертая танковая, кстати... Смотря о каких местах речь шла – четвертая, вроде, по побережью наступала.

То, что здесь ходят только «городские» автобусы, то есть только муниципальные железные желтые гробы на колесах, я, конечно, знала, но как-то не восприняла это за какую-нибудь проблему. Зря. Простояв минут двадцать на остановке, я стала думать, что надо было все-таки идти пешком. Да и наличие народу на остановке, когда я подошла, меня обмануло. Я подумала: значит, последний автобус был давно, и скоро придет следующий. Как бы ни так... Последний-то, может быть, и был уже достаточно давно, но это не означало ничего насчет следующего. Да и народ в основном толпился, подходя и уходя, у киоска на этой остановке. Я сначала прохаживалась туда-сюда в нескольких метрах от этого самого киоска, по другую сторону от которого была сама остановка с навесом. Потом успела изучить уже весь ассортимент киоска и даже стала приглядываться к витрине с пивом, перебирая в кармане мелочь. Вчера в магазине, ещё в городе, тридцать рублей сдачи мне сдали пятирублевыми монетами, так что меня прямо-таки перевешивало на одну сторону. Надо было поровну разложить их по двум карманам... Народ на остановке – в основном пенсионеры – возмущался отсутствием транспорта. Видать, он запаздывал даже сверх обычного...

Хотя и не одни пенсионеры тут наблюдались. У киоска терлась компания трех алкашей – мужиков лет пятидесяти. Казалось, они не могут вспомнить, зачем они тут, так как пялились они все в витрину, но трепались совершенно не о том. «Так вот они полвека не виделись, а потом этот друг его появляется и говорит, мол, ты, что, мол, делаешь! – она же посланник темных, ей не ты нужен, а дверь!» «Какая дверь?» – спросил второй алкаш, помотав головой. «Ну, он же дверь в Шамбалу стерег!» – авторитетно пояснил третий, – «А никак нельзя было, чтобы темные через нее проходили». «Почему?» – это снова второй, – «Пусть проходят – если это темные, они там и сгорят сразу же!». «Сам ты темный!» – возразил первый, – «Там заклятие такое было, что темным – нельзя!» «Пипец...» – подумала я. «А этот друг его и говорит» – снова первый, – «Я её в тот раз убил, когда мы до сюда дошли, я её и теперь убью – она одна и та же... Ну, тут он и вспылит, конечно – он-то не знал, что это друг его тогда постарался, он-то думал, она сама гробанулась...» Тут подкатил-таки большой желто-ржавый автобус, и я не без сожаления полезла в него. Алкаши, похоже, относились раньше к советской интеллигенции, и первый пересказывал какую-то четверосортную фэнтези.

В автобусе мне даже удалось усесться к окну. Народу, на удивление, в салоне было немного, но прямо за мной оказались две тетki, обсуждавшие, наверно, уже всю дорогу, какой-то сериал. «...а в той серии что было? Я тогда так и не поглядела...» «Там они на курорт горнолыжный поехали, только у них всё снова стало налаживаться, она Николаса стала забывать... И тут ему такой сон приснился в гостинице, что она под лавину попадает и задыхается там – прямо показали это, так жутко... Вот и после этого он её никуда не стал отпускать на лыжах кататься, а она, конечно, психовать стала. Ну и он подстроил так, что она упала и подвернула ногу, и тогда он её обратно в город отправляет. А она-то ещё больше взбеленилась – у неё там уже интрижка наклеивалась с инструктором одним...» – «А Френсис сам остался, что-ли?» – «Да, у него там какие-то ещё старые дела всплыли, ещё с тех времен, когда он в тех местах служил». – «И она, что – поехала?» – «Ну, да. Ей все равно пока только на костылях можно было...» – «И, что – она спокойно его оставила там, на курорте?» – «Да нет, она у него карточку кредитную стащила в последний момент, да ещё вместе с бумажником, а там у

него были какие-то документы что-ли... как раз по тому делу, из-за чего он остался...» – «Ну, и?...» – «Так он потом локти-то и кусал – думал, потерял все это, а там с него эти документы уже трясти стали прежние его дружки... там они партизаны какие-то или мафиози». – «Он, что, так и не узнал, что это – она?» – «Ну, потом она сказала – случайно, мол, прихватила, не заметила!» – «Молодец, девка!»

Нет, полезно бывает, вот так вот, среди простонародья потереться – понимаешь, что ещё не всё потеряно, что та полоса жизни была ещё светлая...

Минут двадцать дребезжания и подпрыгивания на ухабах заняла дорога. Оказалось, к подъемнику ехала я одна. Кажется, это была конечная, и кроме меня в автобусе больше никого не осталось, кроме тетки-кодукторши. Подъемник работал, я купила билет и встала в очередь. Передо мною было человек пять, кажется, одна кампания. Три женщины и двое мужиков средних лет, где-то за сорок всем. Уже веселые, ржут как кони. Я осмотрелась – на площадке рядом несколько иномарок, наверное, я одна приехала сюда на общественном транспорте. То, что это бросается в глаза, я поняла, когда один из мужиков, оглянувшись, заметил меня. Потом он быстро осмотрел машины, вернул взгляд на меня, и я прочитала в нем искреннее недоумение: мол, откуда ты взялась, родная? Взгляд его на мне задерживался, и я спросила мысленно: «Ну, чё пялишься? Вон, у вас своего добра навалом! На малолеток потянуло?» Хотя выглядела я, наверное, забавно: куртка не-пойми-какая, бесформенная, называвшаяся когда-то спортивной, джинсы, кроссовки, маникюра и косметики – ноль. Я упорно пялилась в небо, он отвернулся, поправив в левом ухе наушник. Тут я поняла, откуда мне слышалась музыка – настолько тихо, что я думала, мне кажется. Поправляя наушник, он его слегка вытащил, и до меня донеслось: «...в своем стака-ане совсем один...». Боже мой! Да-да: Варум, «Человек-свисток»... Кажется, первая ее песенка. У них, что ретро-вечеринка на горе намечается?

Пропустив после компании сиденья три, я поехала. Впереди глядеть было не на что – крутой склон, пожухшая трава – и я вертела головой направо-налево, оборачивалась назад, чуть не с ногами забираясь на сиденье. Канатка ползла медленно, и я любила эти моменты, когда уменьшаются, становясь игрушечно-пряничными, домики внизу, расступаются ближайшие склоны, звуки – которых тут и так мало – затихают... Кстати! Радио у них не орет отчего-то сегодня на каждой третьей опоре, что не может не радовать. Держась за палку, на которой сиденье подвешено за трос, я, сидя в пол-оборота, смотрела вниз и назад. Горы, полностью поросшие елями, торчавшие до этого над зданием канатной станции, закрывая – ну, не полнеба, конечно – понижались, а за ними вставали новые, повыше, а за ними – ещё, и так в несколько рядов до горизонта, теряясь в дымке уже очень-очень далеко... Поселок стал как на ладони, даже не игрушечный, а уже как нарисованный на картинке в книжке. Башня на дальнем его краю – что-то промышленное – вблизи огромная, с нормальный шестнадцатитажный дом, теперь смотрелась миниатюрной такой спичечкой... Ну, пусть не спичечкой, ну с мой мизинец. С погодой мне, кажется, повезло – на склоне, по крайней мере, ветра не было, и облака только изредка напоздали на солнце. Так – любуюсь пейзажами, довольная, в общем-то, не пойми чем – я доехала до вершины. Слезла и пошла беспельно бродить вокруг. Народу было мало – сезон, слава богу, ещё не начался. Снега здесь, наверху тоже почти не было, хотя по склонам от вершины уже начинали тянуться белые языки. Чуть спустившись, я дошла до полосы снега, протянувшейся в небольшом распадке. Попробовала носком – вроде, твердый. Наступила и провалилась – нет, не эльф я, все-таки... Чертовски жаль. Опустилась на корточки, сгребла снежок, скатала, размахнувшись, бросила – куда глаза глядят. Растерла на ладонях остатки ледяных крупинок, провела по лбу... Хорошо. Не спускалась бы отсюда. Не хочу я вниз, нечего там делать. Тут вспомнилось из второй части «Брата»: «Что я там буду делать? – А тут ты что делаешь?» Хороший момент. Дальше мысли потекли уже сами... Представилось, что работаю я тут на станции канатной дороги, рычаги какие-нибудь переключаю, или что там у них есть... Живу в какой-нибудь пещере – плевать, что тут нет пещер... И тут

мне стукнуло: пещера – чародей – девочка... Блин! Вот ведь нездоровое воображение! Но ведь как забавно совпало... Прямо про меня почти что сказочка была... Осталось чародея найти – старого-старого – и в ученицы к нему набиться. Интересно, каков обряд посвящения в ученицы чародеев? М-да... И тут меня стукнуло второй раз, и как-то мне жутковато даже стало. Я вспомнила другие подслушанные мною краем уха разговоры по дороге сюда. Про чью-то бабку в горах сгинувшую по молодости лет. Ну, это понятно, был Кавказ. Про Шамбалу – тоже по слухам горная страна. И кого-то там мочканули аж два раза. Потом – про горнолыжницу эту неудавшуюся из сериала, которой ногу-то поломали, чтобы она с инструкторами местными не мутила. Или с чародеями?.. Это я уже сама додумала. Забавно – как будто слышала одну какую-то историю из разных совершенно источников... Никогда такого не замечала. Историю в переложении разных людей, показанную обрывками и с разных сторон, но одну историю-то! Блин, почти евангелие какое-то... Прости, господи...

Чтобы не упустить ничего – а то, когда ещё здесь буду – поплелась на другую сторону вершины по тропинке между кустов. Тропинка вильнула, и открылась полянка, ровная такая, с пожелтевшей травкой. Упасть бы на нее и пялиться в небо. Аустерлица. Падать я не стала и пошла дальше. На этой стороне горы достраивали еще одну трассу, опоры подъемника спускались вниз и терялись в лесу. Помню залазила я как-то по-пьяни вон на ту опору... Нет, на вот эту вот, перед самым обрывом. Года полтора назад это уже было. Залезла на самый верх, там ещё площадка такая, с решетчатым полом между катками. Я на ней стояла, раскинув руки, и представляла, что я на «Титанике». Ещё, что-ли, залезть? Только зачем? Ничего нового... Хотя, вид оттуда совсем другой открывается, чем просто с вершины – как будто бы взаправду паришь в небе. И ветер... Но я поленилась и повернула обратно.

Спускаясь на канатке, я поджала под себя правую ногу, положила руки на спинку сиденья, и, чуть зажмурившись, смотрела на самый край горизонта, стараясь не двигать взгляд. Очень медленно линия горизонта приближалась, вставая все более ближними грядками гор. Я заметила впереди долину между двумя склонами. Склоны, густо заросшие лесом, а долинка – чистая, взбирается себе полого вверх, а потом, наверное, переваливает на ту сторону. Можно по ней пройти... Так, наверное, в древности там и ходили всякие местные жители, какие-нибудь странники, герои былинные. В гору и под горой... Вот ведь в таких же примерно местах и шарилась все те хоббиты с гномами у Профессора. И без всяких там канатно-кресельных дорог, вообще без дорог. Совсем. И тащили на себе всё – и жратву, и оружие с доспехом. А вокруг орки околачиваются, эльфы под луной поют и веселятся, а впереди ещё дракона воевать надо... Вот времена были – богатыри, не мы! Так, мечтая о временах, когда на Земле ещё водилось волшебство, я доехала до нижней станции канатной дороги, соскочила с сиденья и пошла себе пешком до дяди – в автобус меня больше не тянуло.

...Что мне последнее время в себе не нравится, так это то, что настроение мое стало жить какой-то своей отдельной жизнью. Вот сейчас – в принципе – у меня, похоже, появились реальные проблемы на работе. Причем проблемы не по работе, а именно на... Последствия они могут иметь для меня нехорошие. Хуже всего то, что я не понимаю причин этих проблем... И при этом меня это нисколько не заботит, не волнует, не настораживает. Не трогает. Я всё вижу, понимаю. Сделать ничего не то, что не могу – а не могу потому, что не понимаю, в чем дело – а *не хочу* ничего делать, разобраться... И при этом – вот только сейчас до меня дошло – сохну я по этому вчерашнему мальчику. Которому дала по пьяни, от нечего делать, от того, что проблемы у меня на работе. Как зовут которого – не помню. Локти себе кусаю... Что стоило ну хоть что-нибудь ему сказать? Ну, ведь он сам был бы не против продолжения... Это понятно. Хотя, он ведь тоже ничего не... Ну что мы за уроды такие? Или это всего лишь недоёб долгий сказывается – готова в первом встречном не пойми что увидеть. Не говоря уже о том, что просто... Так вот, к чему я это все? На реальные проблемы мне – по-фиг. Вся в переживаниях о том, чего и нет, наверное... И не будет. Что мне – искать теперь встречи с

ним, что-ли? И одновременно, каким-то краем сознания я рада-радешенька, что вот выбралась сюда, что на гору съездила, что поглядела на всю эту красоту. Что ещё только середина дня субботы. Что полдня ещё впереди, и вечер, а завтра ещё – всё воскресенье... Вот. И настроение у меня радостное от этого тупого ощущения выходных, а хочется мне тосковать по мужику, а то, что на работе у меня полный писец – наплевать...

С такими мыслями – причем крутились они у меня в голове по кругу, без всяких выводов – я вернулась домой. Ну, то есть к дяде. Пешком. Его дома не было. Я переоделась, умылась, хотела было чего-нибудь поесть, но нужно было готовить, и я быстро перехотела. Поэтому я забралась в зале с ногами на диван, взяла пульт и стала щелкать каналы на телевизоре – единственное мое в последнее время постоянное развлечение. Настройки в дядином телевизоре были другие, чем у меня дома, поэтому ощущался даже определенный элемент новизны от этого развлечения. Кажется, на «Дискавери» я наткнулась на какой-то фильм про альпинистов и минут несколько смотрела без звука, потому что, когда переключаю каналы – всегда убираю звук. Показывали красивые горные виды, и я пыталась угадать – что это за горы. Ясно было, что это не у нас. Почему-то мне показалось, что это – Анды. Наверное, из-за характерной внешности большинства альпинистов. Хотя, они могли быть и испанцами, например. Но горы, как мне показалось, на Пиренеи не тянули. Могла быть, правда, и испанская экспедиция в любых других горах... Я включила звук, но тут оказалось, что фильм подходил к концу. Единственное, что я поняла – так это то, что это действительно были Анды, а альпинисты искали какую-то полулегендарную пещеру из каких-то там местных сказаний. Но найти они ничего не успели, потому что сошла лавина – в общем, все умерли. Фильм оказался реконструкцией, как это стало модным в последнее время, то есть там играли актеры, а мне такое никогда не нравилось... Понажимав кнопки еще несколько минут и запомнив для себя последовательность каналов, я поняла, что и это мое развлечение мне поднадоело. Фильмец какой-нибудь посмотреть, что-ли? – подумала я. Слезла с дивана и стала рыться в залежах дисков в тумбе под телевизором. Их здесь действительно было – залежи. Многие из дисков я помнила столько времени, сколько сюда приезжала. И тут мне в руки попался «Жестокий романс». То, что надо – решила я – буду смотреть и плакать!

...Обожаю, все-таки этот фильм! Особенно первую серию, где ещё все красиво, романтично и неизвестно, чем закончится. Все живы, пока... Ну, то есть, чем закончится-то – известно, если смотреть не первый уже десяток раз... Но всегда это кино смотрю как будто впервые. И почти всегда чуть ли не плачу именно над первой серией – какая, все-таки, трогательная история. Особенно мне сценка нравится, где: «Меня маменька за вареньем послала...» – «А вы?» – «А я его ем...», а на заднем плане – звуки притихающей гулянки и умиленно-озабоченные голоса: «А где это у нас именинница?» Во второй серии события уже определились и развиваются себе в одну конкретную сторону. Глупо развиваются, настолько глупо, что там и плакать-то не над чем. Так – поржать только...

Но поржать мне не удалось. Ещё я не досмотрела первую серию, как возвратился домой дядя. Повозился в прихожей, снимая плащ и болотные сапоги, и быстро прошел в зал, глядя себе под ноги. А когда заметил меня, посмотрел на меня так, как будто ожидал увидеть меня здесь в самую последнюю очередь. Я даже испугалась, что забыла что-то – вдруг говорила ему, что задержусь где-нибудь надолго, или что уеду, или обещала что-нибудь. Хотя, ничего такого, вроде не было...

– Привет, Тань! – сказал он и пробежал в свою комнату, где у него был и кабинет, и спальня.

– Здравствуйте... – сказала я уже в закрытую дверь.

Но тут дверь снова открылась, дядя вышел обратно с сотовым в руке. Прошел на кухню, как мне показалось, бесцельно огляделся там, открыл и закрыл холодильник, вышел. Не глядя на меня, стал подниматься по лестнице. Потом на втором этаже щелкнул замок одной из две-

рей. Вроде, ничего такого не произошло, вообще ничего не произошло, но мне как-то стало не то, что не по себе, но как-то странно... Ну, наверное, просто что-то случилось, надо ему позвонить куда-то... Но зачем на втором этаже прятаться?

Во входную дверь постучали. Решительно так, потом ещё раз – посильнее. А дядя уже спускался по лестнице – и прямо к двери, открыл... А что ж вас так много-то? В общем, в прихожую ввалилась толпа мужиков средних лет, и все по очереди стали с дядей ручкаться, причем всё молча, отрывисто так кивая головами. Одеты они были, кто во что горазд: кто в тренировочном костюме, таком еще совдеповском, алкашеском; кто – как на рыбалку собрался – в штормовке, сапогах; один так даже в костюмчике с галстуком... Человек семь их всего было. Тот, который первым с дядей здоровался, снял плащ и стал вешать его на вешалку, но что-то у него там не получалось, и плащ все время соскальзывал. «Наши уже собираются», – вяло подумала я, – да-а... Остальные тоже снимали верхнюю одежду и пытались повесить тоже, так что в прихожей произошла некая заминка, все толкались и крутились. Дядя взирал на это как-то слишком уж спокойно, отрешенно как-то взирал. Когда с вешалкой разобрались, пришедшие все разом двинулись из прихожей и, наконец, заметив меня, встали как вкопанные. Мне показалось, что все они чем-то похожи между собой – не внешностью даже, а взглядом, что-ли... выражением глаз. Дядя тоже взглянул на меня, поморгал. Я поняла, кого пришедшие мне напоминают. Так, наверное, выглядят со стороны опера, ввалившиеся в какой-нибудь офис на обыск. Никогда не видела такого со стороны. Причем мне подумалось, что если это и менты, то – по меньшей мере – какие-нибудь собровцы... Или фэшники?.. Хотя ведут-то они себя совершенно не как опергруппа на работе. Но и не бандосы. Бред какой-то...

– Тань, нам тут с товарищами побеседовать надо бы... – наконец сказал дядя, глядя на меня извиняющимися глазами. И одновременно мне показалось, что вижу я у него в глазах ещё и раздражение. Ну, я, понятное дело, тут же подскочила с дивана, выключила телевизор и пошла по лестнице в свою комнату, ощущая на спине взгляды, и ещё с недоумением чувствуя себя какой-то нашкодившей школьницей. И даже мне показалось, что дядя хотел было попросить меня вообще пойти погулять на улицу, хоть и не сделал этого.

Часа через три дядя заглянул ко мне и позвал ужинать. Гости уже с час как ушли – я слышала через окно, как они вышли и пошли по дороге – а в доме все это время стояла абсолютная тишина. Сама я валялась на кровати и пыталась читать Саган, получалось плохо. «Ужинать» означало, что я буду сидеть на кухне и смотреть, как дядя готовит – поддерживать морально, так сказать. А есть будем уже потом. Тоже есть у нас с ним такая традиция. Я молча спустилась на кухню, села в уголок дивана, руки – на стол, голову – на них. Дядя стал доставать из холодильника продукты. Уже начинались сумерки, и на кухне становилось темновато.

– Темнота хороша для темных дел? – сказала я.

– Что?

– Это что за опергруппа была?

Дядя уставился на меня и аж холодильник забыл закрыть.

– Да приятели институтские... Давно не виделись... Вот.

Он даже не заморачивался придумать что-нибудь! Ну, ладно – нет так нет.

В общем, ужинали мы молча, я не могла понять – что происходит, а дядя вел себя как ни в чем ни бывало, только молчал, проклятый. Промелькнула даже глупая мысль помощь свою предложить, но это – уж совсем от недоумения. Если честно, мне в пору самой иногда просить дядю Алика о помощи, даже по уголовным делам. Тем более, сейчас вон с работой заморочки пошли...

– А тот парень, что вчера приезжал – это кто? – решила я. Заодно и тему сменить...

Дядя, видать, где-то в своих мыслях в это время блуждал, потому что вроде как не услышал или не понял моего вопроса, но сам почти сразу произнес, глядя в свою тарелку:

– Тань, стакан подвинь, пожалуйста.

На краю стола, на одинаковом расстоянии от нас стояли граненые стаканы, два. Справа от меня и слева от дяди, и он, видимо, хотел налить себе чаю. Или чего покрепче уже. Я потянулась правой рукой к стакану, но, наверное, слишком резко, потому что только дотронулась до него, как стакан упал на бок и, проскользив по столу, грохнулся на пол. Звук, особенно после той тишины, что стояла уже несколько минут, получился – дай боже... От неожиданности я чуть не вскрикнула.

– Ничего-ничего, – сразу же произнес дядя, не поведя бровью. И добавил, даже попытавшись улыбнуться: – На счастье.

– Пора бы, – автоматически согласилась я, рассматривая свою руку – как я могла так его столкнуть? Ума не приложу...

Помыв посуду, я вышла подышать воздухом и на веранде чуть не запнулась о что-то высокое, прислоненное к косяку сразу за дверью. Это был, кажется, лыжный чехол; вроде от беговых лыж. Я помню, отец давным-давно в таком же лыжи таскал, когда мы с ним в лес зимой выбирались. Раньше этого чехла здесь не было, да и вообще я не видела такого у дяди. Его, должно быть, оставили те мужики, «приятели институтские». Внутри что-то было – неужели, вправду, именно лыжи? Но проверять, трогать я не стала. Ну, пришли они всей толпой, ну, хотели покататься с горы на беговых лыжах, без снега. Ну, чего не бывает... И я пошла спать.

День третий (воскресенье)

...Тилим-тилим-тили-ли-ли-лим... Что за?.. Я же не ставила будильник, воскресенье же! Не глядя, я отключила сигнал и перевернулась на другой бок. Спать, ещё спать... Телефон тут же зазвонил снова, и до меня дошло, что это не будильник, а обычный вызов.

– Да! – сказала я в трубку, не разлепляя глаз, и услышала голос отца. Он спросил, почему я сбрасываю. Я ответила, что сплю, вообще-то. Он сказал, что улетает сегодня на неделю или больше, хотя собирался только в понедельник, и просил проводить его – приехать в аэропорт. Блин, вот радость-то привалила!.. Это ж надо уже вставать и собираться. Я сказала, что приеду, и отключилась. Посмотрела на часы – ровно, как если бы я и на сегодня будильник поставила. Сна уже как не бывало, и я чувствовала, что хорошо выспалась. Вот, что значит экология...

Ещё минут несколько я все-таки повалялась, потом, не торопясь, поднялась, заправила кровать, скидала вещи в сумку, спустилась вниз. Дядя, как оказалось, тоже уже проснулся и сейчас полулежал на диване, листая какую-то газетку, хотя вообще поспать он был не дурак, если никуда с утра не уходил.

– Что так рано? – спросил он. Я ответила.

– Так ты уже сейчас поедешь? Я тогда приготовлю быстро что-нибудь...

– Да, пока доеду... А вот приготовить – это хорошо! Пойду, умоюсь.

– Слушай, Тань, – сказал дядя, когда мы завтракали, – ты через город поедешь или сразу в аэропорт?

– Да, сразу, наверное... Смысл крутиться?

– Ну а потом – сразу в город вернешься?

– Ага...

– Слушай, Тань, я тебя об одном одолжении попрошу...

– Да...

– Завезешь в городе одну вещь, я тебе адрес скажу, передашь там?

– Конечно, хорошо.

Когда я уже собралась, дядя протянул мне железный ключ, довольно большой, с пятнами ржавчины. Как от какого-то амбарного замка – подумала я. Скорее, от гаража какого-нибудь.

– Вот по этому адресу, – дядя дал мне бумажку с надписью. – Там будет мужчина такой пожилой, Павел Петрович, скажешь – от меня, он поймет.

– Хорошо, – сказала я, мельком взглянув на бумажку, и пряча ее вместе с ключом в карман куртки.

- Если его не будет – просто отдай... кто там откроет, также скажи, что я просил передать.
- Хорошо.

Через два часа я подъехала к аэропорту. На площадке перед зданием я увидела папину машину, но там было уже все заставлено, и я остановилась на обочине, чтобы просто напрямую пройти по газону. Вышла, закрыла машину, сделала шаг... и как растянулась на травке! Как стояла, так и упала – доской, только руки раскинуть успела. Хорошо, голову назад задрала, а то бы прямо мордой приложилась... Наверное, за бордюр запнулась. Но, вроде, ничего страшного – отряхнулась и пошла. Тут уже и папик из машины вылез и – ко мне:

- Ты чего падаешь на ровном месте?! Опять, поди, с Аликом нажрались вчера?
- Да, вот, кстати, даже и нет, на удивление... Привет!
- Не ушиблась?
- А ты как думаешь – так у... упасть? Ладно – выживу, поди...
- Ну, пошли – в буфете там посидим пока время есть.
- Па, а как тот фильм назывался, с Мариной Влади? – спросила я, когда мы сидели за столиком и пили кофе. – Ну, который тебе ещё нравился очень, ты говорил. Черно-белый...
- «Колдунья», что-ли?
- Ну, она там еще вроде фигну всякую творила...
- А что?
- Там было что-то с веревкой какой-то?
- Да был там такой эпизод: она вообразила веревку, натянутую через дорогу, и один мужик об неё запнулся. То есть она наколдовала это. Интересная сцена была.
- Ну, да – «ложки нет».
- Что?
- Да так... А для чего она ту веревку наколдовала?
- Вроде, влюбилась в него или что-то такое...
- Странная она.
- А с чего это ты вспомнила?
- Да, что-то вот всплыло. Иногда такое в голову придет – не знаешь, что и делать...

Когда папик улетел – а я даже так романтично поглядела вослед самолету – я медленно вернулась к машине, сожалея о пропавшем воскресенье. Пока в город вернусь... а там что ещё полдня делать, спрашивается? Так, ещё ключ тот завезти. Я сунула руку в карман куртки и поняла, что ключа-то там нет... Вот, блин! Точно я его сюда положила? Вроде, точно... Да, положила вместе с запиской с адресом – она, кстати, осталась – это уже в дверях было, потом сумку взяла, вышла, села в машину и до аэропорта из неё не выходила нигде. Так – я же падала! Наверное, тогда он из кармана и вылетел! Все это я думала, стоя у машины. Подошла к тому месту, где упала, стала рассматривать травку. Травка была пожухшая, коротко подстриженная, и на ней был бы виден даже обычный ключ от квартиры, а не то, что та дура... Минут пять, не меньше я честно обшаривала газон, ползая по нему на карачках, но ключ не нашла. Прошарила весь путь, который прошла по газону после падения, дошла до крыльца, вернулась в буфет и даже там поинтересовалась – не находили ли ключ. Не находили, блин... Потом я обшарила машину: под сиденьями, под ковриками – ничего. Все свои карманы несколько раз перерыла, из сумки все вытряхнула... Бесполезно. Так и захотелось заорать: «Потерялось! Голм, голм...»

Нет, ведь вправду нехорошо получилось... Что теперь делать? Может, я там его обронила, у дяди еще, когда в машину садилась? Я набрала дядю, но он не отвечал. Поди, в доме телефон оставил, а сам где-нибудь во дворе шарится. В общем, я сидела в машине и пыталась понять, как так можно было посеять такой здоровый ключ. Понять не получалось. Позвонила дяде ещё раз – с тем же результатом. Машинально сунула руку в тот же карман, достала записку. Куда там хоть надо было ехать?.. Хихикнула почти истерично, прочитав адрес. Адрес был знакомым – я там с родителями жила лет пятнадцать назад! Именно в том доме и квартире...

После третьей неудачной попытки дозвониться до дяди я решила хотя бы поехать по этому адресу и сказать, что ключа им не видать теперь, хоть извиниться...

Я нарочно медленно объехала дом, остановилась по другую сторону двора от бывшего нашего подъезда, пошла через двор, ностальгируя... Все тут, конечно, изменилось, материальных объектов для воспоминаний почти не осталось. Если бы был другой адрес, я бы, может, и не поехала – по крайней мере, так быстро бы не решила. Зашла в подъезд, и вот в нем ощущение было точно таким же, как и многие годы назад – такая же сырая прохлада, сумрак, гулкие ступени, запыленные окна, и через них – размытый солнечный свет. Ничего не изменилось! Даже двери только две или три поменяли, а остальные – такие же старые деревянные, покрытые обшарпанной коричневой краской, и ручки здоровенные черные. Четвертый этаж, наша дверь вторая слева, та же самая, и замки, кажется, наши же... Нет, один – другой. Он на месте того, который я как-то сломала и потом мы им не пользовались. И кнопка звонка другая – поновее, а у нас всегда залипала. Я позвонила... Ничего. Позвонила ещё. Звонок дребезжал где-то в глубине квартиры, я попыталась представить – откуда он может раздаваться. Так и не открывали. Ну, хотя бы не придется краснеть, а то как-то глуповато всё бы выглядело – приперлась такая девочка: я вам ключ везла, да по дороге потеряла, извиняйте! И квартиру свою не увижу... Но тут щелкнул замок, и дверь открылась.

От неожиданности я даже отступила на шаг и, ещё не разглядев никого, выпалила:

– Здравствуйте! Я от Алик... от Альберта Николаевича!

При этом я зачем-то пыталась нащарить в карманах удостоверение.

– Вы забыли что-то? – на пороге стоял пожилой мужчина и безразлично смотрел на меня.

Как его там дядя назвал? Петр... нет, как Павел Первый...

– Павел Петрович? Я вам должна была ключ привезти... передать...

– Спасибо, – как-то устало сказал он. – Вы что-то забыли?

– Ну, да... – я как-то растерялась. – Я его потеряла.

– Кого?

– Ключ...

– Свой? – спросил Павел Петрович, и впервые во взгляде у него что-то шевельнулось, а мне внутри стало неуютно.

– Нет... ваш. Вернее, Альберт Николаевича... Ну, то есть ваш, наверное... Если вам передать надо было...

– Вы их перепутали? – терпеливо спросил он, переступая с ноги на ногу.

– Кого? – теперь уже я спросила.

– Девушка, вы о каком ключе говорите?

– Что вам Альберт... Николаевич передал...

– Ну, правильно, тот ключ – мой. Я же сказал «спасибо».

– За что? – почему-то внутри у меня стало холодно, и как-то все замерло.

– За ключ. Он мне, правда, даром не нужен был – я говорил Альберту.

– Ну, может еще найдется... – я не понимала, о чем мы говорим, как будто соскальзывала куда-то.

– Девушка, вы чего от меня хотите?

– Ну, я как-бы извиниться пришла, что...

– Да ничего, с кем не бывает. Извиняю.

Я хотела что-то сказать, но не знала – что, и просто ловила ртом воздух.

– Ну, так я вас и не задерживаю больше. До свидания ещё раз.

– До свидания...

Дверь закрылась, щелкнул замок, я стояла столбом. Потом, ну, наверное, через полминуты, развернулась на месте и, не очень твердо ступая, пошла к лестнице, потом вниз по лестнице. Мыслей не было никаких. Кроме одной: «Что это, блядь, было, на хрен?!» И тут же –

видимо, чтобы добить – мне вспомнилось, что в детстве, когда ещё жила здесь, мне снилось, что я поднимаюсь по этому подъезду с нашего этажа на пятый, а мне при этом кажется, что ступеньки ведут куда-то вниз... Не знаю, к чему мне это снилось.

Очень долго я по двору шла к машине. На хера я её так далеко бросила?! Детство, блядь, вспомнила! Дико хотелось обернуться, и дико страшно было обернуться. Я не обернулась. Хорошо – на машине сигналка, а то ещё не попала бы ключом в замок дверцы. Села за руль и действительно с трудом вставила ключ в замок зажигания. Так, ну пора уже успокоиться. Чё случилось-то? Ничего равным счетом... Накрутила сама себе в голове черт-те чего... А голова-то не самая здоровая, признаем честно. Также у меня в другом подъезде был случай. Я только начала работать в милиции – повестки там разносила, запросы, описи по делам писала... Всякую такую чушь. Так вот, захожу однажды в какой-то подъезд с повесткой, а там, напротив входа трубы какие-то по стене спускаются, и они в теплоизоляции какой-то были. Ну, а кожух изоляции этой разорван вдоль всей трубы, и из него стекловата клоками торчит. А я захожу и вижу всё это. И прекрасно понимаю, вижу, что это – труба с поврежденной изоляцией, что серая стекловата наружу торчит, но при этом у меня в мозгу, где-то параллельно возникает мысль, что это – полуразложившийся труп, привязанный к трубе, и свисающие клоки – это не стекловата совсем. В общем, такой у меня там приступ паники был, какого никогда в жизни ни до, ни после не было. Правда, секунды две-три это длилось максимум, но так остро, что на всю жизнь запомнилось. Вот...

Я завела двигатель, пристегнулась, чего обычно не делаю, осторожно вырулила на улицу. Кажется, стало отпускать. И тут меня кольнуло – он ведь, кажется, сказал: «До свидания *ещё раз*»? Какой «ещё»? Бред какой-то! Я понимала, что надо всё снова вспомнить, прокрутить в мозгу весь тот диалог, понять – с чего меня так-то торкнуло? Но не хотелось мне пока ничего анализировать. Вот выпить – хотелось, но дома у меня ничего такого не было.

Доехав до дома, я почти успокоилась. Все-таки – это нервы. Всё просто сошлось: и усталость от работы, и фигня та по таможенному делу. И вот теперь стукнуло – с опозданием, как у меня обычно бывает – и наложилось на идиотскую ситуацию с ключом, а там я себе сама что-то в подсознании не так соединила. Но ключ-то я потеряла. Неудобно, блин, получилось. А дядя тоже – молодец, с ключом этим... Что, нельзя было мне его не давать? Нет, что-то я совсем уже истерю...

Не выходя из машины, я снова набрала дядин номер. На этот раз он ответил после второго гудка.

– Да, Тань...

– Дядя Алик... я тут это... ключ...

– Ага, спасибо, мне Павел уже отзвонился. Быстро ты...

И вот тут у меня реально поплыло всё перед глазами, и я поняла, что означает это книжное выражение. Что это не ради красного словца, а объективное описание ощущения.

– ... Тань, что-то звук пропадает, – услышала я в трубке.

– Да, – выдавила из себя я и спросила, как пьяная, подбирая слова: – А... что он... сказал?

– Кто? Павел?

– Да.

– Ну, говорю же – поблагодарил тебя. Если бы ты в город не ехала, я бы ему сегодня не смог передать...

Я поняла, что должна заставить себя спросить.

– Он поблагодарил меня... за то... что я привезла ему... тот ключ?

– Ну, да... Он вежливый такой старикашка, – дядя даже хихикнул. – А ты, что давно от мужчин благодарности не слышала? – дядя уже просто посмеивался в трубку.

– Да я сама – неблагодарная тварь, – сказала я невпопад, – вот и смущаюсь... с неприличиями.

- Ха-ха, – сказал дядя. – Ну, пока тогда! Приезжай еще.
- Обязательно...

Я думала, что меня сейчас начнет трясти, и поэтому вцепилась в руль. Когда пальцы начали белеть, а трясти вроде не трясло, руль я отпустила. Просто очень холодно внутри было и страшно. Но одновременно почему-то как-то... спокойно, что-ли? Страшно было от двух вещей. Первое – то, что происходит вокруг меня какая-то охренительно фантастическая херня. Что, типа, никакого ключа я не теряла, а доставила его по адресу, но – вот беда! – не помню этого, и второй раз поехала по тому же адресу. То-то Павел это Первый офигел, должно быть, увидев меня снова на пороге, да ещё всякую чушь несущую! Но ведь приехала то я к нему – второй раз, получается – из аэропорта! Что, я два раза и там была? Или от дяди сначала прямо в город проехала? Нет – бред, бред! Так, а по времени как? Можно же просчитать... Если я какого-то куска не помню, то время-то на него все-равно было затрачено! Так, я выехала в... Нет, не могу я сейчас посчитать, по крайней мере – в уме.

Вот... А вторая – по-настоящему страшная меня вещь – это то, что я просто сошла с ума. Свихнулась. Тронулась. Сбрендил. Поехала у меня, наконец, крыша. И светит мне теперь какая-нибудь палата номер шесть. Буду, такая дура, сидеть на подоконнике у зарешеченного окна в смирительной рубашке и тупо пялиться на унылый осенний пейзаж. И слюна будет изо рта течь. Из уголка губ. Тонкой такой струйкой... И секса у меня там не будет точно... Хотя, почему? Думаю, тупые верзилы-санитары будут меня трахать с большим удовольствием... Интересно, сумасшедшие, так могут рассуждать? Могу-могут – обнадежила я себя. Умерла, так умерла. «Врач сказал – в морг, значит – в морг!»

Потом я завела мотор, доехала до заправки, залила на последние деньги двадцать литров, и покатила обратно к любимому моему дяде Алику. Думаю, он извинит, что на сей раз без водки.

Дом был опять открыт и пуст. Я прошла на кухню, вскоре появился и дядя. Отлично, теперь буду жить по кольцевому времени – подумала я.

– Танчо? – удивился он. – Что-то случилось?

– Здрасьте... еще раз! – бодренько так сказала я и села на диван. – Не называйте меня больше Танчой никогда, хорошо?

– Хорошо... – дядя опустил на стул напротив и внимательно на меня смотрел. – С тобой все хорошо?

– Да, просто устала с дороги...

– А-а...

– Да я просто кое-что забыла у вас. Тоже. Сейчас в комнате посмотрю.

– Ну, ты, блин, даешь! – дядя рассмеялся. – Я уже такое себе напридумывал!

Я тоже – подумала я.

– Позвонила бы – я бы привез или передал с кем-нибудь!

Тут мне с трудом удалось сдержаться и не заржать во всю глотку.

– Я ключи оставила, – сказала я. – Куда я без них?

– Ну, да – ключи, это – да, – согласился дядя. – А точно здесь забыла?

– Да негде больше. Никуда не заходила, падала только в одном месте, но там их нету.

– Ну, так иди, ищи... Или вместе поищем?

– Да я знаю, примерно где. Сейчас только посижу еще немного.

– Ну, хорошо. Есть будешь?

– Буду. Пожрать я люблю. А что у вас есть?

Так, почему он никак не реагирует? А как он должен реагировать?

– Борщ.

– Борщ – это хорошо.

Нет, реагирует он так, если бы для него все было нормально. Кроме моего внезапного возвращения. Может рассказать, как все было? Посмотреть, как тогда прореагирует? Ну, после того меня точно в психушку упекут. На фиг надо... Посмотрим...

– Ладно, пойду – поищу, умоюсь и поем тогда, – сказала я.

– Ага, давай...

Я поднялась в свою комнату, закрыла дверь, села на край кровати. И что дальше делать? Зачем вообще я приехала? Что, думала – приеду, и дядя мне все разъяснит? А с чего бы? Если для него ничего не произошло? А если и произошло – тем более... Так, давай, Таня, порассуждаем. Если дядя считает, что ключ я передала по назначению, то он действительно должен быть удивлен моим поведением. Так это, по крайней мере, и выглядит. А если он знает, что ключ я не передавала... А откуда он это может знать? От Павла. Тогда они оба со мною играют... Для чего? Бред. Вот это-то и похоже на сумасшествие. Но, если я передала ключ, но не помню этого – тогда у меня точно не все в порядке. Что-то я запуталась... Да не передавала я этот чертов ключ! – закричала я мысленно. Потеряла я его! Я уверена в этом! Ну, я-то, может, и уверена, но как оно было на самом деле? Надо посчитать время. Если я сначала отвезла ключ, а потом поехала в аэропорт... Я приехала бы к отцу на час позже, не меньше. А этого часа как раз и нет. За время между моим отъездом отсюда и приездом в аэропорт, я бы физически не успела заехать в город. Значит, ключ я потеряла, и меня разыгрывают! Зачем?! Но, если я сошла с ума, то вряд ли могу адекватно ориентироваться во времени. Может, я сейчас вижу на часах одно время, а на самом деле – оно совсем другое? Может, у нас часовой пояс сменился, а я об этом не знаю? Ничего, в общем, я сейчас не соображу, не выясню путем размышлений... Ещё раз спросить у дяди, точно ли он знает, и откуда, что я передала ключ? Страшновато... А потом снова ехать к Павлу Петровичу? Блин!.. Надо ведь было корки ему в морду сунуть, а не мяться как девственница перед первым абортom! В принципе, и сейчас не поздно... Или можно его просто вызвать к себе... Да, нет – бред! Что я его допрашивать, что-ли, буду? «Когда, сколько раз я к вам приходила и что делала?» А если и вправду приходила и делала?! Да ну, на фиг... И по отношению к дяде это будет как-то не хорошо. И ведь дядя однозначно мне сказал, что Павел Петрович благодарил меня за то, что ключ я ему передала. Хотя мне-то Павел Петрович сказал, что ему ключ даром не нужен... Ну, это могла быть просто вежливость по отношению к дяде. Да и из моего разговора с Павлом Петровичем следует, что ключ я ему скорее отдала, чем не отдала. Вот в этом «скорее» всё и дело... Идиотский у нас разговор был, «слепого с глухим», как говорится. Блин... Программа «Розыгрыш» какая-то! Может, это и вправду какой-нибудь мега-прикол? Ага, много чести для меня... Очень фантастично... А ещё все те штучки, о которых я и забыла уже. Разговоры те, складывающиеся в одну историю; «опергруппа» эта дурацкая; со стаканом не пойми что произошло; падение мое на ровном месте... Да и само исчезновение ключа. Все по отдельности – так, мелочь, но вот вместе... Километраж на спидометре посмотреть! – мелькнула у меня мысль. Можно, но я не помню, сколько там было, когда я в пятницу из города выезжала, и когда отсюда сегодня утром. И даже, если я перед аэропортом завезла ключ – по расстоянию там не большое различие должно быть. В общем, стала я персонажем дешевого фантастического рассказика, и мне теперь с этим жить...

Возвращалась в город я уже практически ночью, а темнеть начало ещё когда я второй раз приехала к дяде. Катилась себе километров шестьдесят, левой рукой руль придерживаю, правую в окно высунула – ветер ловлю. Лесочки, деревеньки проезжаю, на огоньки смотрю. Думать о происшедшем – не думалось. Посмотрим, что дальше будет, если вообще будет. Если это действительно какие-то события, затронувшие меня, то я пока на них влиять не могу. Если это болезнь, тут вообще ничего не поделаешь: «позняк метаться». Может, это не я за рулем своей любимой машинки сейчас качусь, а везут меня в психушку под вой сирен. Может? Может. Но руководствоваться этой версией я не буду. Хорошо в литературе фантастической, даже в

примитивной макулатуре – подобные ситуации как-то разрешаются для их участников: какие-то новые возможности для них открываются, выбор им какой-то приходится делать... А тут? Какой выбор, что всё это значило, за что мне это прилетело? Непонятно... А что до возможностей... Моя возможность – завтра с утра снова на работу тащиться и огребаться там по полной. Начальство любимое, вернее – любящее... Жулики – ублюдки, заявители – идиоты, прокурорские – пафосные твари. Опера... Этим бы только набить. Дела тошнотворные. Ладно, что-то я злобу одну источаю – не хорошо это. В дерево, что-ли, врезаться и посмотреть, что будет?..

Картина вторая. «Особенности расследования уголовных дел в зимний период»

«... новый день, девочка, новый день... еще один день, подаренный нам для наших злодейств».

А. Лазарчук, «Все, способные держать оружие...»

День первый (вечер)

По моим расчетам, мы уже должны были приехать. Ну, не то, чтобы по расчетам... Просто, когда отъезжали от вокзала, водитель сказал, что ехать – часа два, около того, а прошло уже два с половиной часа, даже чуть больше. Переспрашивать смысла не имело, все равно до места нашего назначения должно быть уже не далеко. Так что я продолжала смотреть на дорогу – благо предусмотрительно залезла на переднее сиденье, пока на вокзале Дмитрий складывал в багажник наши сумки. Впрочем, ему, наверное, все равно – он всю дорогу дремал, как я видела в зеркало. Мне же вот обязательно надо вперед пялиться, могу бесконечно смотреть на набегающую дорогу. Ну, ещё как зарплату выдают мне любимой – смотрела бы, не отрываясь, да вот на карточку нам ее теперь переводят, никакой романтики... Места здесь, наверное, были красивые – дорога все время лезла куда-то вверх, наворачиваясь на склоны, петляя. Мы и выехали-то уже в сумерках, а сейчас фары только выхватывали то заснеженные елки с одного края дороги, то полосатые отбойники с чернотой за ними – с другого. И ни одной машины нам не попадалось – ни встречной, ни попутной – уже часа полтора. Глушь. Какого чёрта меня сюда занесло?..

В одном месте дорога шла вниз, спускаясь с... – водитель говорил, что будем какие-то перевалы проезжать – так что, наверное, с перевала. И в дальнем свете фар хорошо было видно темный лес по обеим сторонам дороги, и здесь были уже не елки все пушистые от снега, а сосны с толстыми и высокими стволами. Я опустила веки, и в глазах – в закрытых – осталась эта картинка, но только в негативе. Белые деревья и черная прямая дорога между ними. И показалась мне, что я была уже здесь и ехала по такой вот дороге, но не ночью, а днем, и лес был почему-то именно белый, а дорога – именно черная. Дежа-вю, в общем... Кстати, в этих местах я и не бывала никогда раньше, интересно, как здесь все днем смотрится? Ощущение было действительно сильное – именно как воспоминание, вернее «вспоминание» дороги. Интересно... Говорят, что дежа-вю – это такие развилки реальности, которые человеку дается пройти повторно, чтобы что-то изменить. Что же там такого на этом руднике произойдёт со мной, если меня снова выкинуло на эту развилку? «Как съездила? Хорошо... Что сделала?..» Ха-ха-ха... Ещё, правда, говорят, что дежа-вю – это когда в мозгу вновь получаемая информация ошибочно записывается в какие-то там «кластеры», относящиеся к прошлому, поэтому и воспринимается сознанием, как уже что-то имевшее место быть. Но на самом-то деле общеизвестно, что дежа-вю – это просто сбой в матрице, в которой мы все живём...

Тот спуск с соснами закончился, мы забрались на ещё один подъем, широко охватывающий очередную гору, и с поворота стали видны огоньки внизу. Приехали. Буквально «далекое-далекое королевство». Тут, на этом последнем спуске, «Волгу» нашу впервые за всю поездку немного потаскало по дороге из стороны в сторону – задняя часть машины повилыла плавно, но жутковато. Я водила по зиме «Волгу», так что сама за рулем и не обратила бы внимания на такие заносы, но вот пассажиром – почему-то сердце в пятки ушло. Странно...

Мы въехали в город, хотя по виду за окнами – в какую-то захудалую деревню: заборы покосившиеся, избы, свет в окнах тусклый-тусклый. Но при этом, по сторонам дороги с какой-

то ненормальной частотой – плакаты со смеющимися детишками, цветами, радугами; что-то типа «как я люблю свой родной город такой-то». Кстати замечала: чем мельче, убогее городишко – тем аляпистее и нелепее в нем украшены улицы такой вот, с позволения сказать, социальной рекламой. Потом, без перехода, мы оказались в местной промзоне: бесконечный низкий кирпичный забор, за ним – темные дымящие корпуса. Из промзоны, сделав один только поворот, также сразу выскочили на более-менее приличную, освещенную улицу. Деревья вдоль расчищенных тротуаров, двух-трех этажные небольшие дома, приятно различающиеся между собой, с какими-то даже колоннами, балкончиками.

На этой же улице была и гостиница – двухэтажное здание более поздней на вид постройки, чем все окружающее, с лоджиями по всему фасаду. Напоминает обычный корпус какого-нибудь обычного советского санатория, только маленький. Машина уже остановилась, а я ещё несколько секунд шарила рукой в темноте по дверце, пытаюсь вспомнить – где у «Волг» та штука, которая её открывает. В общем, когда я вылезла, Дмитрий уже принимал у водителя наши сумки, которые тот достал из багажника. Было все также холодно, как на вокзале.

– За вами завтра во сколько приезжать? – спросил водитель. Кажется, это была вторая, ну, третья фраза, произнесенная им за всю дорогу.

– Так отсюда же не далеко отдел? – спросил его Дмитрий. – Мы и сами дойдем... Вы нас сориентируйте, пожалуйста.

– Дальше по улице, там, на перекрестке – налево и все время прямо. Там с правой стороны увидите. Минут десять – и на месте.

– Ну, вот и хорошо. Спасибо вам. А так, по городу вы ведь нас завтра возить будите? Когда мы в отделе закончим.

– Может, я, – как начальство скажет, – ответил водитель и полез в машину.

– Ну, ладно. Спасибо еще раз, – сказал Дмитрий. – Счастливо.

– До свидания.

– Да, спасибо вам большое. До свидания, – сказала я.

Поняв, что мою сумку Дмитрий мне так и не отдаст, я пошла к крыльцу – хоть двери ему открыть. Через три двери мы вошли в полутемный пустой холл и стали озираться. Освещался холл телевизором, орущим слева в окружении низких кожаных диванов, и лампочкой над стойкой – справа. Прямо была темная лестница с грязно-красной дорожкой. В стороны от лестницы отходили темные же коридоры.

– Есть кто живой?! – воззвал в пространство Дмитрий, опустив сумки перед стойкой, и постучав по ней.

Рядом с телевизором что-то завозилось, и я разглядела в углу дивана мальчика лет двенадцати, плящущегося в экран и, кажется, даже не замечающего нас. На экране стреляло и взрывалась, кто-то вопил. Из коридора справа, шаркая ногами в домашних тапочках, вышла заспанная женщина непонятного возраста в халате в цветочек и с расческой в руке. Было видно, что она вот сейчас причесывалась, но на полпути примерно отчего-то оставила это дело.

– Добрый вечер! – бодро сказал Дмитрий. – Мы места у вас бронировали.

– Добрый... – отозвалась женщина. – Паспорта, пожалуйста. Вы только приехали? На машине? Там метет на перевале? – с каждым вопросом она, как-бы немного просыпалась.

– Да, так – немного, – ответил Дмитрий, протягивая ей наши документы.

Из телевизора у нас за спиной вырвался отчаянный женский визг, а потом пошла энтэвэшная заставка – что-то там «скандалы... бла-бла-бла... расследования... тра-ля-ля». Меня передернуло, не смотришь телевизор – и не надо.

– Костя, сколько тебе говорить, – прикрикнула в темноту женщина, – потише сделай!

Потише сделалось, немного.

– Вот, анкеты заполняйте, – она передала нам небольшие листочки бумаги с отпечатанными на них бланками.

Я взяла ручку, привязанную на пластиковой спиральке к гвоздику, вбитому в поверхность стойки, начала писать... Паста оказалась зеленой, я хихикнула.

Когда я в своем номере, только успев запихать пуховик и сапоги в узкий шкаф, раздирала шторы в поисках форточки, вошел Дмитрий.

– Ну, как, устроилась?

– Да вроде бы...

– Татьяна, ты ужинать пойдешь? Там ресторан еще работает.

– Да – жрать охота... Подожди меня две минуты, ок?

– Ну, если только две...

Я захлопнула перед его носом дверь, обернулась в комнату и поняла, что мне сейчас придется всё вытряхивать из сумки. Хотя бы для того, чтобы достать кеды, а то в сапогах как-то не хотелось больше никуда идти...

За кедами последовали летние джинсы, которые я недавно решила таскать дома. Снял шерстяные брюки, прошла по номеру в одних колготках – хорошо-то как! Натянула джинсы, кеды; легла на кровать, застеленную зеленым шерстяным одеялом – никуда не пойду! Все же встала. Переложила кошелек и телефон из пуховика в задние карманы джинсов – готова! Вышла в коридор, а Дмитрия там не оказалось. Закрыла номер на замок, и тут он появился.

– Идем?

– Идем.

Уже когда мы подходили к раскрытым дверям ресторана, я услышала оттуда музыку и пение – и не поверила сначала. Но, нет – «под небом голубым...» Офигеть! Конечно, это был не сам БэГэ, но ведь живую пели! Какой-то парень длинноволосый с гитарой, и еще двое за инструментами. Мы вошли, к моему удивлению почти половина стойков была занята. Мне в глаза бросилась шумная нетрезвая компания, расположившаяся сразу за двумя сдвинутыми вместе столиками, и состоявшая вся – я даже умилилась – из мужиков в спортивных костюмах, таких темно-синих с тремя белыми полосками. Кажется, они там сами себе что-то пели полубнявшись...

Я выбрала свободный стол в углу рядом с окном. Мы сели, я достала телефон и набрала Стрельцова. Долгие гудки – ну, понятно... Хотя, нет!

– Да!..

– Привет!

– Привед, медвед...

– Чё трубку не брал?

– Когда?

– Часа три назад.

– Три? Слушай, не было звонков!..

– Выброси уже свой телефон! Сколько можно?!

– Да хороший телефон у меня... Ты чё звонишь?

– Слушай, – сказала я и вытянула руку с телефоном к певческому коллективу. – Ну, как?

– Ни фиги себе! Это там что?

– Да в ресторане мы... Только приехали, пошли пожрать...

– Там, что – живая музыка?! Там вот, куда ты ехала?!

– Да, я приехала... Нравиться?..

– Ну, забавно...

В этот момент к нам подошла официантка, и я поспешила разговор закончить, сказав: «Ну, пока, созвонимся!..»

– Что, завтра – подъем во сколько? – спросил Дмитрий, когда, поужинав, мы поднимались к себе на этаж.

– Так... – я зевнула. – Сейчас соображу... Нам там к девяти надо ведь уже быть? Ну, давай в восемь вставать, если тут всего десять минут ходьбы. Ты меня разбуди, если я сама не поднимусь.

– Хорошо, договорились.

– Кстати, тут ведь теперь по времени есть разница с нами? – неуверенно спросила я.

– Да, плюс час. Местного сейчас – десять, одиннадцатый пошел.

– Ясно. Не забыть перевести, – я опять зевнула. – Спасибо.

– Слушай, а ты там примерно на завтра уже распланировала, что-кого?..

– Ой! – я устало махнула на него рукой. – Иди уже. Спокойной ночи...

– Ладно – спокойной ночи.

Вошла в номер, закрыла за собой дверь, убрала сумку с кровати на пол – не буду её разбирать сейчас. Как же спать хочется... Так, ещё не все... Засунув руку в сумку по локоть, я вытащила почти со дна пакет с зубной пастой, щеткой, мыльницей; оттуда же за край вытянула полотенце. Как всегда, собираешься в последний момент и кидаешь всё как попало, про что вспомнишь. Потом я застелила кровать, сняла свитер, пошла почистила зубы. Умываться не стала, чтобы не прогнать сон. Вернулась в номер, закрылась, выключила свет, разделась, залезла на ощупь под одеяло. Вылезла, вытащила из кармана джинсов сотовый, залезла обратно под одеяло. Глаза к темноте уже привыкли, света от окна хватало. Перевела часы, установила будильник, положила телефон на пол – так чтобы рукой сразу дотянуться, закуталась в одеяло до подбородка. Все – спать... Кстати, как там: «на новом месте присниться жених невесте»?..

День второй (утро)

Но «жених», собака, не приснился... Или мне не запомнился тот волшебный сон...

Я проснулась, как будто только что закрыла глаза, но было уже утро. Я посмотрела время на телефоне – без минуты восемь, отключила будильник, потянулась. Повалиться бы сейчас, даже поспать – часа два, а потом позавтракать, собраться, не торопясь, и пойти погулять по этому городу. Но – не в этой жизни...

Минут в десять девятого, когда я уже успела сбежать почистить зубы и теперь причёсывалась, в дверь постучали, открыла – Дмитрий.

– Привет. Готова? Идем завтракать?

– Идем... Готова... Веди... Привет, – сказала я, и мы пошли.

На этот раз, кроме нас в ресторане никого не было, потом притащились две тетки: то ли училки, то ли бухгалтерши по виду.

– Какой план? – осведомился Дмитрий с набитым ртом.

– Ты хоть прожуй сначала, – я дернула плечом, изображая недоумение такими манерами. – Попросим у них кабинет, вызовем людей на после обеда, сами пока съездим в контору – посмотрим, какие документы остались, заберем. Может, кого допросим или тоже в райотдел пригласим. Надо будет повестки ещё попросить.

– Горотдел, – поправил Дмитрий.

– Ну, так-то – да... – кивнула я с серьезным видом, тоже жуя. – И по городу я ещё погулять собираюсь успеть, какие-нибудь сувениры поискать. Тут же у них все такое этническое должно быть.

– Поищем. Мне консьержка объяснила, где тут универмаг у них главный...

– Угу...

Когда мы вышли из гостиницы, небо было чистое, яркое, утреннее, приятно такое насыщенно-голубое, но вокруг все выглядело почему-то сумрачно, всё в тени. Мы пошли по улице – куда нам вечером показал водитель. Сразу над домами поднимались горы, поросшие лесом, причем, видимо, лиственным, потому что листья по причине зимы отсутствовали, и сквозь лес было видно белые склоны. Ну, это, конечно, были не то чтобы горы – сопки, что-ли... Причем они были со всех сторон, они смыкались в кольцо, в такую чашу, на дне которой и лежал весь

город. Вон – дымящая фигня, мимо которой вчера мы проезжали – местная ТЭЦ. Вон за ней – дорога забирается на склон и огибает его. А вон там, кажется, река должна быть. Она же как-то затекает в эту чашу... Наверное, через тот распадок. И солнце еще не взошло над грядой, потому и в тени всё. Интересно тут... Красиво.

Горотдел мы нашли сразу. Здание в два этажа, грязно-зеленого цвета, под двускатной крышей, с фальшивыми колоннами и даже какой-то галереей по второму этажу, на крыше – триколор. На площадке перед ним – новенький уазик с мигалкой. Вошли, дежурный за стеклом на нас и не взглянул – что-то перебирал у себя на столе. Я подошла к окошечку, наклонилась, приложила раскрытое удостоверение к стеклу.

– Здравствуйте! Как к начальнику следствия пройти?

Дежурный – не молодой совсем уже сержант – поднял голову и уставился на удостоверение. Как-то он замешкался или озадачился, мне показалось.

– А вы откуда?

Я ответила, сказала, что в командировку приехали.

– На второй этаж, двадцать восьмой кабинет.

– Спасибо.

Хорошо, хоть не сказал: «А что вы сразу пугаете?» Или слава родного города до этих мест не добралась, слава богу...

– Здравствуйте, а Ирину Петровну... как найти? – спросила я мужчину в двадцать восьмом. В форме, капитан, следователь, из местных народностей, запикивает дела в сейф.

– Здравствуйте! Татьяна Дмитриевна – вы? – он говорил с интересным, немного смешным акцентом. – Ирины нет сейчас, меня про вас предупредила она. Доехали вы как? Здравствуйте, – он протянул руку Дмитрию, – Владимиром зовут меня, Ирины я заместитель. Приготовили кабинет уже вам мы, к нам ведь дня на два вы? Устроились в гостинице?

– Ну, да... сегодня, завтра – обратно. Покажите, где нам расположиться?

Нам показали соседний кабинет, который мне почему-то напомнил школьный класс. То есть, это был обычный маленький кабинет райотдела с двумя письменными столами друг напротив друга, стульями для допрашиваемых, одним шкафом и книжным стеллажом; на одном из столов стоял выключенный компьютер, причем стоял именно весь компьютер – плоский системник и на нём монитор с кинескопом. На другом столе, в гордом одиночестве – телефон, большой зеленый. С диском – люблю такие. На мысль о классе меня, наверное, навели столы – они были как какие-то старинные парты, видела я такие в какой-то школе когда-то, может – в кино.

– Мы сейчас хотели сразу в филиал проехать, – сказала я Владимиру, – а потом уже сюда вернемся поработать. Нам как туда добраться?

– Машину дадим вам, – ответил Владимир, улыбаясь и смотря на меня с каким-то... интересом, что-ли. Я не поняла – с каким. – Ехать недалеко тут.

– Хорошо-о, – я улыбнулась осторожно. – Дим, а ты говорил про местного оперативника – его, может, с собой взять, чтоб на месте там ориентироваться?..

– Да, Владимир, Кызынгашева Сергей как найти? – спросил Дмитрий.

– Позову его я, – сказал Владимир, кивая головой и продолжая на меня смотреть, – сейчас. И машину организую. Минутку здесь подождите, пожалуйста...

Так и сказал: «по-жай-лу-ста», да еще с этим своим неуловимым акцентом – то ли пропел, то ли протянул как-то красиво – и стал пятиться спиной в коридор, благо стоял почти на пороге.

– А, скажите, по-жалуйста, – я поняла, что улыбка поплыла у меня на лице, ведь это я не специально, – какой здесь телефон? – И уточнила: – Номер? – а это уж я, каюсь, не удержалась.

– Три-двадцать два, – очень доброжелательно сказал Владимир и удалился.

«Три-два-два!!! – заржала я про себя. – Два-два-три! – Какая прелесть!»

Я бросила свой портфель на стол, метнулась к двери и выглянула в коридор – Владимира видно не было. Коридор был вообще пустой. Подскочила к Дмитрию, схватила его за руки и, чуть не захлебываясь, почти шепотом:

– Ты слышал? Слышал?!

– Что слышал?! – Дмитрий аж отпрянул, кажется, первый раз меня такой увидел.

– Ну, он же говорит как Йода, слышал? – не унималась я, кивая головой на дверь. – Ты понял? Наоборот слова все! В обратном порядке, то есть...

– А, ведь, точно, – расслабившись, улынулся Дмитрий. – Джедай местный, блин! А я еще подумал, что это у него выговор такой... Ну, не выговор, а что... ну, он не русский же сам...

– Офигеть! – сказала я радостно и села за стол, положив руки на портфель. Как в школе... – Уже стоило сюда приехать, правда?

– Тебе виднее, – хмыкнул Дмитрий, косясь на меня почти также странно, как и заместитель начальника местного следствия.

Он вернулся через несколько минут и с обескураженным видом сообщил, что оперативника того найти не может. Я, признаться, тоже озадачилась, ведь это он, Кызынгашев, должен был подобрать нам предварительную информацию по нашему делу и мог бы, конечно, что-нибудь интересного нам понарасказывать... Но, видно, не судьба. Ну, да ничего – я, все-таки, созванивалась с директором филиала, он нас ждет, знает примерно, что нам нужно... Не такой уж у нас тут предполагался и непроходимый квест – допросить человек несколько свидетелями, документы выемкой изъять, по городу погулять – как дополнительная миссия...

Мы сели во вчерашнюю же «Волгу» и поехали в филиал. Так: бланки протоколов у меня есть – на случай, если у них там нет компьютера; постановление на выемку тоже заполнить не долго... Тут я вдруг поняла, что жених мой мечтательный – потому, что только в мечтах он мой жених – всё-же снился мне этой ночью, вот только я не помнила этот сон, просто знаю, что был... Сколько это у меня уже, полгода? Нет – месяца четыре. А поняла-то я сама, что эта фигня имеет место быть, вообще недавно. Так пришла домой в пятницу после работы, села в кресло и согласилась, что я эти месяцы постоянно о нём думаю – ну, то есть просто каждый день... Сказать я ему, конечно, ничего не говорила, у нас и отношений-то никаких не было и нет, кроме служебных... Вот я не представляю себе, как я могу прийти к зампрокурора районному и брякнуть ему: «я вас люблю, чего же более...» А между делом – дело уголовное ему подsunуть прекращенное там или приостановленное... Для утверждения постановления. Так вот этого-то я не могу, но вот пялиться на него, что наедине, принося дела, что при свидетелях – это я могу. Да так, что всем уже давно известно, какая я дура. Кажется, и ему самому как-то неуютно, когда я к нему прихожу. А куда деваться, если он за нами процессуальный контроль осуществляет? Так что вот, как-то так...

Когда мы приехали в местный филиал той геологоразведочной организации, исследованием расхищения которой я занималась, и прошли пустым – очаровательно советским – коридором, то в приёмной на втором этаже меня ожидало второе за сегодняшнее утро странно-приятное нечто. Секретарша – девушка совершенно-неопределённого возраста – была одета в обтягивающие синюю юбку и красную кофту. Это я сразу увидела, так как она стояла спиной к дверям и поливала цветочки на полке. Когда она повернулась к нам, и я рассмотрела её редкие свето-жёлтые волосы, то в голове у меня что-то восторженно напряглось, а потом она писклявым голосочком сообщила:

– А в профком вы зря пришли, там уже никто не будет.

– Все ушли на фронт? – бодро поинтересовался Дима, и секретарша захихикала.

Меня осенило – это же Масяня! Ну, надо же!

– Мы из милиции, – Дмитрий показал удостоверение. – Нам директор нужен. С ним договаривались, что мы приедем.

– Так и директора нет, – равнодушно сказала Масяня, садясь за стол. – И не должно его быть. Он в командировке, на объектах.

«Герцог Веллингтон на Линиях, – вспомнила я, предоставляя разбираться Дмитрию. – Ну, классно!..»

В принципе, потребовалось немного времени – минут несколько – чтобы понять, что директор филиала уехал два дня назад в какие-то геопартии в местных горах. Кстати, контора эта, которую я всё больше и больше возлюбляла, занималась ещё с советских времён геологическими изысканиями в окрестных регионах. Теперь, правда, от неё «рожки да ножки» остались... Почему я тут и нахожусь. Постепенно, сквозь восторги по поводу фантасмагоричности места моего пребывания, до меня дошёл и реальный трагизм ситуации, так как, когда должен вернуться директор, секретарша-Масяня не знала. Ну, или не хотела говорить. А цель в этой милой глубинке у меня и была-то одна – допросить директора в разрезе того, как происходило растаскивание прежнего геоправления на составляющие его филиалы, не так давно вдруг ставшие самостоятельными юрлицами, а потом – как по волшебству – вошедшие в состав вновь созданного аналога старого геоправления – ооо-шки, собственником которой – единственным, заметим – оказался последний гендиректор этого самого старого геоправления. То есть, мне нужен был человек, который – в идеале – дал бы показания против этого хитрого гендиректора. А то, что такое возможно – была инфа из местного ОБЭПа, от того самого опера, который куда-то задевался, хотя должен был нам тут весь расклад дать, директора филиала разговорить и документы нужные помочь найти и изъять. Надеюсь, ничего нехорошего с ним не случилось...

Ещё через несколько минут сбивчивого диалога с местной Масяней выяснилось, что Управление филиала практически не функционирует – осталось всего какие-то единицы работников от прежних нескольких десятков.

– А кто сейчас на месте находится? – спросила я.

– Ну, зам, может быть... – протянула Масяня, принявшись вспоминать, для чего закатила глаза к потолку.

– Так ведь его тоже нет! – возмутился Дима. – Вы же сами сказали!

– Так не так, чтобы его совсем нет – он то уезжает, то приезжает...

«Загадочная персона, – поняла я, – из самого Стамбула».

– Ну, так проверьте, – попросила я.

Масяня покрутила диск телефона карандашом, трубку на том конце, видимо, никто не взял.

– Может он в ПТО ещё быть, – мечтательно продолжила Масяня. – Пойдёмте, я вас провожу.

– А позвонить нельзя? – не очень-то уже и вежливо поинтересовался Дима.

– А там у них телефон не работает, – был ответ.

Тем же пустым коридором, потом через какой-то переход между зданиями пошли мы вслед за уверено поведшей нас Масяней. Войдя в двери с табличкой «Нач. ПТО», мы увидели там двух человек. Мужика между средним и пожилым возрастом и старушку-божий одуванчик. Они пили чай и ели бутерброды с полукопчёной колбасой, а ещё конфеты, кажется – «Красная Шапочка». Я мысленно облизнулась, но виду не подавала.

– Так вот же – замдиректора! – искренне-удивлённо сообщила нам Масяня. – Приехал, значит... Тут из милиции, Вить!

Мужик поднялся нам навстречу.

– Коробов, Виктор Геннадьевич, – представился он. – Заместитель директора филиала.

Он протянул мне руку – немелкую такую лапищу – чуть смутился и протянул её Дмитрию. Они поручкались.

– Чем обязан? – спросил зам.

– Нам нужно с Вами наедине побеседовать, – сказала я, после того как тоже представилась.

– Э... Зоя Марковна, я потом зайду ещё... – обернулся он к старушке.

– Конечно-конечно, Виктор Геннадьевич, – бодрым голосом отозвалась она, рассматривая меня с интересом. Что же они все здесь на меня пялятся, как на чудо заморское?

Новыми – а может быть и нет – переходами заместитель провёл меня в свой кабинет, причём кабинет был совсем не рядом с приёмной. Дмитрий остался в ПТО. Куда и когда пропала Масяня, я не заметила. Ещё я подумала: а смогу ли найти обратную дорогу?

– Слушаю вас, – сказал замдиректора, усевшись за свой стол. Было заметно, что он как-то даже уверенней стал себя чувствовать.

– У меня в производстве уголовное дело, – начала я, – по факту хищения имущества акционерного общества «Южсибгеология». Меня интересует, каким образом происходил выход вашего филиала из этой организации и последующее его вхождение в «Южсибгеологию-Н». Расскажите в общих чертах.

– А это вы меня уже допрашиваете? – спросил замдиректора.

– Да нет, мне просто нужно представить, как это происходило, поэтому я вам побеседовать предлагаю. Потом мне нужно будет записать ваши показания.

– А я могу сразу отказаться?

– Отказаться от чего?

– Ну... ничего не говорить.

– Да, вы можете отказаться ничего не говорить, – серьёзно сказала я. И продолжила, так как он странно стал на меня смотреть, будто это я, а не он, ерунду какую-то несу: – К вам никаких претензий нет, я прошу сообщить имеющуюся у вас информацию, что вы, кстати, по закону и должны сделать...

– А если мне нечего сказать?

«Начинается», – подумала я.

– Только это не так, – попыталась произнести я терпеливо и равнодушно. – Вы заместитель директора филиала; те события, о которых я спрашиваю, на ваших глазах происходили.

– А мне нужно будет что-нибудь подписывать?

«Вот, уже чуть лучше».

– Я запишу ваши показания – допрошу вас в качестве свидетеля. Вы их прочитаете, потом подпишите.

– Почему – свидетеля?

«Ты ещё спроси, свидетеля – чего?»

– Свидетель – это любой человек, обладающий интересующей следствие информацией.

– Я ничего подписывать не буду.

– Вы отказываетесь от дачи показаний?

– А я могу отказаться?

– Нет, не можете. Свидетель по закону не вправе отказаться от дачи показаний, за это предусмотрена уголовная ответственность – о чём я вас и предупреждаю.

– А мне говорили, что любой может отказаться...

– Можете отказаться свидетельствовать против себя самого или своих близких родственников. Но сейчас об этом речи не идёт, насколько я понимаю.

– Знаете, я всё-же отказываюсь давать показания.

– Почему?

– Но ведь это моё право...

– Да нет же! Я ведь вам объясняю: вы не вправе отказаться от дачи показаний! – я начала терять терпение. – Или ваша собственная роль в тех событиях... не вполне законная? Тогда, конечно, другой разговор... Вы отказываетесь от дачи показаний и тем самым признаёте в

соучастии в преступлении. Но, напоминая, по делу к вам сейчас претензий нет. Я прошу у вас содействия следствию.

– Знаете, девушка, я всё уже сказал.

«Вот зря ты про девушку».

– Тогда я в протоколе запишу, что вы отказываетесь от дачи показаний, а вы это подпишите.

– И подписывать ничего не стану.

– И того, что вы отказываетесь от дачи показаний?

– Нет. Ничего не стану.

– Тогда я вынуждена пригласить понятых, чтобы засвидетельствовать это факт.

– Какой ещё факт?

– Ваш отказ от дачи показаний и от подписания протокола.

– Так что подписывать, если я ничего не сказал?

«Матерь божья! – подумала я. – Что мне с тобой делать?»

– Ну, тогда без протокола поговорим, – предложила я.

– Мне сказать нечего.

Я не то что бы расстроилась, но всё как-то уже шло наперекосяк...

– Дим, ты где? – набрала я его по сотовому. – А... ясно. Мне тут понятые нужны. Нет... протокол... отказ от дачи показаний... Да, пойдут. Где я? А кстати, где? Какой у вас номер кабинета? – спросила я у противного зама.

– Да тут нет номера, – фыркнул он.

– Но это ваш кабинет?

– Ну, мой.

– Дим, я в кабинете у заместителя директора. Они, поди, там знают...

Через пару минут Дима привёл ту старушку и Масяню. Они вошли, оживлённо договаривая какой-то разговор, причём и Дима в нём участвовал. Но, как увидели заместителя, как-то смолкли на полуслове.

Я достала из портфеля бланк протокола допроса свидетеля.

– Фамилия, имя, отчество?

– Я уже говорил.

Боясь, что он скажет, что не будет отвечать, я быстро добавила:

– Напомните, пожалуйста.

Он напомнил.

– Дата рождения?

Он назвал, уставившись в окно, похоже, решив хоть не смотреть на меня.

– Где родились?

Тут почему-то возникла пауза. «Ну, что теперь-то?»

– Где родились? – повторила я вопрос.

– Город Караганда.

«О... блин, прикольно!» – я попыталась скомкать улыбку.

– Домашний адрес?

– А вы, что, и домой ко мне придёте?

«А вот хамить-то зачем?»

– Это протокол – стандартные..., – я хотела сказать «вопросы», но решила найти другое слово, – формы.

Когда закончили анкетную часть, я зачитала права и дала расписаться. Зам расписался. Потом я кашлянула и спросила:

– Что вы можете сообщить по поводу выхода вашего филиала из состава «Южсибгеологии» и вхождения в состав «Южсибгеологии-К»?

– Я отказываюсь от дачи показаний.

– Вы желаете воспользоваться пятьдесят первой статьёй Конституции?

– Да.

– Пятьдесят первая статья разрешает не свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников. Вы считаете, что рассказывая про реорганизацию филиала, вы можете навредить себе? Или кому-то из родственников?

– Мне нечего добавить.

Я записала.

– Подписывайте.

Он подписал протокол. «Ну и стоило из-за этого ругаться?» Понятые не потребовались.

– Теперь покажите, пожалуйста, уставные документы филиала, – попросила я зама.

– Какие? – недружелюбно спросил он.

– Устав, учредительный договор... – по привычке выпалила я.

– У филиала нет устава, тем более – учредительного договора, – сказал зам. Причём сказал даже без сарказма, чего я не ожидала уже.

– Да, – сказала я, – верно... Решение о создании филиала, копию устава головной организации... Решение о назначении руководителя. Всё, что есть.

– Такие документы в сейфе у директора, – сказал зам.

– В его кабинете?

– Да.

– Ну, пойдёмте.

– У меня ключа нет...

– Кабинет, вроде, открыт, – это я запомнила.

– От сейфа, – уточнил зам.

Мы всё равно пошли – зам, Масяня, старушка, Дима и я – и посмотрели на закрытый сейф. Такой же, как у меня самой в кабинете, только коричневой краской выкрашенный. А мой – беленький.

– Где ключ? – спросила я.

– У директора, конечно, – это бодро заявила Масяня. – Он его всегда с собой носит.

– А запасной? – спросила я. – Если потеряет?

– Так не терял никогда, – сказала Масяня менее бодрее. – Он пунктуальный всегда...

Я задумалась про пунктуальность... Да, это многое объясняет.

– У вас, как заместителя директора, должен быть второй ключ, – обратилась я к заму.

– Да на кой он мне? – он развёл руками вполне правдоподобно.

– Дим, – сказала я, присаживаясь за журнальный столик и роаясь в портфеле, – я пока постановление выпишу, а ты позвони в райотдел – пусть они привезут что-нибудь, чтобы вскрыть... – я повела рукой в сторону сейфа.

Дмитрий подошёл к директорскому столу, окинул взглядом три телефонных аппарата.

– Тут какой городской? – спросил он, обращаясь вместе и к заму, и к Масяне, и к старушке.

Никто не ответил. Зам, набычившись, глядел в пол; Масяня, собираясь что-то ляпнуть, замерла с раскрытым ртом. Только старушка, как она там – Зоя Марковна – с непроходящим интересом переводила глаза с меня – на зама – на Диму – на меня...

– Зачем вскрывать? – произнёс зам. – Посмотрю – может где и валяется, не пользовался никогда... У меня, может, в шкафу... Я схожу?

– Да-да, конечно, – закивала я. – Очень нас обяжите...

И ключ – о чудо! – нашёлся, и сейф открылся, и документы все там были... А ещё начатая бутылка коньяку и две стопки рядом с ней. Наличие стопок в сейфе нас с Димой позабавило – мы, кривя улыбки, переглянулись.

– А у вас ордер-то есть? – вяло поинтересовался зам, отводя взгляд от раскрытой дверцы сейфа.

– Да, – сказала я, вытащила из портфеля бланк постановления о производстве выемки и стала его заполнять. «Ордер!» – думала я. – «А если его отсутствие слова «ордер» на бланке смутит?»

– Вы, что, будете документы забирать? – встревожился зам. Кажется, это до него только дошло.

– Да, я произвожу выемку документов в рамках расследования уголовного дела, – сказала я. – К делу требуются оригиналы документов. Если нужно – сделайте пока копии, я их заверю. В протоколе я перепишу все документы и копию протокола вам оставлю.

Я заполнила протокол выемки, Масяня и Зоя Марковна расписались понятыми. Зам, поотнекивавшись, подписал тоже, так и не будучи до конца убеждён мною, в том, что он может быть тем лицом, у которого эти документы можно изымать.

– Теперь нам нужно посмотреть ваши бухгалтерские документы, – сказала я, чувствуя себя солдатом, варящим кашу из топора.

– Все? – спросил зам с искренним удивлением. Сразу после окончания его «допроса» ситуация как-то сама-собой разрядилась. Он уже расслаблено посиживал в своём кресле, Масяня со старушкой оставались тут же за приставным столиком, Дима сидел на подоконнике и качал ногой.

– Ну, видимо, да, – осторожно сказала я. – Где они находятся? И, кстати, мне надо с главным бухгалтером поговорить.

Масяня хихикнула, а старушка на неё шикнула.

– Бухгалтера сейчас в штате нет, – сказал зам. – У нас все сокращены.

– А кто был бухгалтером? Дадите мне координаты...

– Она уехала. Из города.

Масяня хихикнула, потише.

– Насовсем, – уточнил зам.

В итоге он продиктовал фамилию, имя, отчество, сотовый и адрес, по которому их бухгалтерша здесь раньше проживала. После этого мы всей дружной толпой пошли в бухгалтерию в другой конец здания, по дороге спустившись на вахту на первом этаже, где в настенном шкафчике с крючка зам взял ключ.

Поскольку я ничего – серьёзно ничего – не понимаю в бухгалтерском учёте, рыться в документах стал Дима. Вернее, сначала он рылся в шкафах и стеллажах полутёмного и холодного кабинета бухгалтерии, доставая оттуда кипы документов, а потом уже пытался сортировать их на столе.

– Мы посмотрим, что нас интересует, – сказала я, поведя рукой по кабинету, – чтобы всё не забирать. – И то, что интересует, заберём. Как определимся, что изымаем – я составлю ещё один протокол.

– И бухгалтерию заберёте? – без особого интереса спросил зам.

– Да, будет проводиться бухгалтерская экспертиза.

«Ну, скорее всего» – добавила я про себя.

– А как мы без документов?..

– Снимайте копии, если нужно... «Не похоже, чтобы они тут когда-либо кому-то нужны были», – добавила я про-себя.

Пока мы делали выемку, Масяня с Зоей Марковной перенесли в бухгалтерию чай, колбасу, хлеб и конфеты. Мне даже не пришлось просить их остаться, чтобы ещё побыть понятыми – они и так никуда не собирались уходить. Нам с Димой предложили угоститься, мы не отказались. Поглощая бутерброды, Дима передавал мне отобранные документы, а я заносила их в протокол, вписывая от руки реквизиты. Всё-таки это было справедливо – хоть так мне

принять участие. Протокол выходил уже на третий лист... Масяня наблюдала за нами с каким-то как-бы не с восхищением, Зоя Марковна – в основном за мною, с тем же спокойным интересом. Тут же, в перерывах, когда Дима начинал отсортировывать очередную кипу бумаг, я допросила Зою Марковну на предмет того же, что хотела узнать от зама. Зоя Марковна ничего нового к тому, что я и так знала, добавить не смогла, и, как мне показалось, именно потому, что на самом деле была не в курсе тех подковёрных дел с делёжкой филиалов. Хотя, как знать...

«Номер тридцать шесть: бухгалтерский баланс на первое сентября две тысячи... года, на трёх листах, на третьем листе подпись...» – писала я в протоколе. Может, других понятых ещё найти? Да, вроде, ничего страшного... Выемка, кто был тут – тех и взяли... Осмотр надо будет потом подробный сделать, чтобы не краснеть потом... Будет же проверять... Он, вроде, сам дела смотрит... Документы в осмотре надо будет описать хорошо, и с понятыми настоящими... И с экспертизой что-то думать уже надо начинать... Хотя, пока ещё со всех остальных филиалов документы соберём... Всё-равно – пойти к экспертам, показать, вместе подумать... Продляться, по-любому, несколько раз придётся... Дура, что тебе в голову твою дурную лезет – цветок засушить и в дело перед проверкой запихать... Типа случайно заполз... Стыдобища... Так-то глаза через раз только поднять на него можешь... Потому что если поднять и смотреть... Там же всё снова видно будет... Хорошо хоть в ступор больше не впадаю... Разговаривать могу и шутить даже, хоть по глазам – понятно – всё видно... Ну, почему... Ну, как... «Номер тридцать семь: бухгалтерский баланс на первое января две тысячи... года, на пяти листах, на пятом листе подпись...»

Убили мы на выемку эту часа три... Потом допросила ещё двоих работников филиала, каких-то начальников участков. С тем же успехом, наверное, могла бы допросить Масяню. Причём настоящую. «Ничего не помню, наше дело маленькое, какие-такие реорганизации? А мы в какой сейчас Южсибгеологии работаем, разве не в прежней? Так на то и директор, так вы, девушка, его и спросите...» Спрошу, мил-человек, спрошу... Когда и если найду...

Пока Дима утрамбовывал изъятые документы в коробку из-под бумаги «Снегурочка», я совершила ещё одну безнадёжную попытку – набрала на сотовом номер директора филиала. «Абонент – не абонент», как говорится... Блин, а ведь договаривались... Получается, он просто слинял... А мы завтра уезжаем... И не похоже, что местные опера его за это время притащат... И к себе его потом ведь вообще не получится вызвать... Снова, что-ли, придётся сюда ехать... По поручению его если только тут допросят, но это уж лучше бы и не пробовать... Сама допрашивала по поручениям из других городов – цирк сплошной... Игра в испорченный телефон.

Напоследок я выписала повестки на имя директора и главного инженера филиала, который тоже у нас был вне зоны досягаемости, и вручила их под роспись заму. Он уже и не отнекивался, бедолага.

– А вы обедали уже? – спросил нас наш водитель, когда мы отъезжали от филиала.

– Да там нас бутерами угостили, – сказал Дима.

– Тут столовая хорошая есть недалеко – на ТЭЦ, можно заехать...

– Тань, ты как? – спросил Дима без особого энтузиазма.

– Слушай, а поехали! – сказала я. – Жрать я хочу, вот что. После этого всего. Да и делать-то пока больше нечего.

Водитель повернул буквально куда-то за угол и остановился у какого-то крыльца под козырьком.

– Вот, – сказал он, – заходите – и направо...

– А вы сами пойдёте? – спросил Дима.

– Да-да, сейчас догоню.

Выйдя из столовой, Дмитрий закурил на крыльце. Я тоже остановилась рядом с ним, подставив лицо яркому солнышку, которое уже подозрительно низко висело над горами, ну,

то есть – сопками, окружающими город. Как-то мало что пока у меня выходит, думала я с некоторым даже холодком в душе. Директор загасился... вместе с главным инженером и бухгалтером, кстати. А уезжать нам уже завтра. Блин... Ну, в райотделе сейчас поручения напишу местным, чтоб хоть в деле были. Нет... Есть же адреса – надо прямо сейчас проехать самой, чем чёрт не шутит...

– Дим, поехали – проедем по домашним адресам директора да главного инженера, – сказала я, когда Дмитрий докурил.

– Поехали, – согласился он.

Минут через двадцать – честное слово – наш квест мы завершили... С тем же нулевым результатом. Я дважды безответно стучалась в двери квартир в одинаковых пятиэтажках на разных краях города. «Что сделала? – Ничего... Как съездила? – Хорошо...» Да, это про меня...

Потом мы вернулись в райотдел, расположились в том же кабинете, с партами. Опер местный так и не нашёлся. Дмитрий неторопливо пересматривал изъятые в филиале документы, я – решительно набирала поручения об установлении местонахождения требуемых мне лиц. До зарезу уже требуемых, так на минуточку... Директор пусть бы просто нашёлся, пусть тоже пятьдесят первую взял бы, но не так, что совсем его нет...

А вот по адресу ихнего бухгалтера мы-то и не доехали... Блин... Вроде, она уехала насовсем, но как знать... Что ж у меня это из головы-то вылетело? Так... Я нашла номер сотового в своём блокноте. Тут у них по местному, поди, через какую-нибудь цифру звонить надо... Ладно, наберу со своего... О, гудки длинные – хоть не отключен телефон...

– Ал-лоо... – протяжно так на том конце провода женский голос.

– Здравствуйте... Ольга Викторовна?

– Слу-ушаю вас...

– Ольга Викторовна, я... – я представилась. – Вы работали бухгалтером в...? – я назвала филиал.

– Положим, работала...

«Однако», – подумала я.

– У меня в производстве уголовное дело по факту мошенничества в отношении ООО «Южсибгеология».

– Что-что?.. Плохо вас слышу... Повторите, пожалуйста!

– Возбуждено уголовное дело! – я невольно заговорила громче, хоть её слышала хорошо. – По «Южсибгеологии»!

– Ой, пожалуйста, ещё раз!

– Вы меня, что – вообще не слышите?! Что за связь такая?

– Вот сейчас лучше! Что вы говорили про дело? В отношении кого?

– У меня в производстве... уголовное дело... по мошенничеству... по «Южсибгеологии»...

– Да-да, продолжайте, пожалуйста, не останавливайтесь!.. – дальше в трубке был смех. Я как-то даже и растерялась. – Ой, тут, похоже, спутник уходит... – снова смех, и трубку положили.

Мне, как-бы, полагалось хоть разозлиться..., но это было классно, признаю... Клёвая тётка... Всё-равно искать её надо будет, но – вот, блин, она даёт! Я всё-же снова её набрала, но абонент был не абонент.

– Слушай, – спросила я Дмитрия, – а можно же установить, откуда... где находился человек, когда по сотовому говорил?.. Если ему звонили, а не он?

– Да, можно. Это вообще без разницы – кто кому звонил.

– Ну, хорошо... Бухгалтерша нашлась, – пояснила я. – И как-то потерялась сразу... Странная она, похоже.

– В смысле?

– Ну, с юмором тётка... Интересно её подпрашивать было бы.

– Ну, это только когда вернёмся, – сказал Дмитрий. – Запрос сделаешь, я побыстрее прокручу.

– Это хорошо..., – сказала я без особого энтузиазма, представляя реакцию любимых руководителей на то, что никого фактически не допросила тут. Заместитель и тот в отказ пошёл.

Я доделала поручение, распечатала, подписала его и пошла искать того доброго человека из местных народностей, который должен нам тут, вроде как, помогать во всём. Не нашла, кабинет его был закрыт. Кабинеты рядом – пусты. Я вернулась к нам в кабинет, встала в дверях. Дмитрий лениво листал документы, посмотрел на меня.

– Что?

– Как-то всё идёт не так..., – сказала я. – Не думаешь?

– Да нормально, расслабься, – улыбнулся он. – Ну, нету их – что сделаешь? Они, скорее всего, тоже пятьдесят первую взяли бы. Всё равно у нас движение денег будет: переводил, снимал их Тризубский... Так что победим мы его, никуда не денется.

– Ну, классно, что сказать..., – проговорила я. – Нас тут, вроде, сегодня больше ничего не держит? Давай собираться, что-ли?

– Давно пора. Сами дойдём или на машине?

– Так, этот же кабинет пока за нами? Ключ есть, – сказала я. – Тогда всё это, – я покрутила рукой в сторону стола, заваленного изъятymi документами, – тут до завтра и оставим?

– Ну, в гостиницу я это тащить не хочу, – сказал Дмитрий.

– Я тоже, – сказала я. – Слушай, я, наверное, прогуляюсь ещё по городу... Какие, ты говорил, у них тут достопримечательности?

– Я говорил?

– Ну... там магазин какой-то с сувениркой?

– А-а... универмаг. Как мы сюда утром шли – по левой стороне отходила улица... Она первая была, как мы свернули после гостиницы. По ней идти и там... справа будет отдельное здание, его видно.

– Ясно... Значит, если отсюда идти – то направо последняя перед поворотом на гостиницу?

В кармане у меня завибрировал сотовый.

– Да! Привет!

– Звонит одна пиявка другой и спрашивает: «Я тебя не отрываю?» – заржал в трубку Андрей.

– Да, нет... Уже нет.

– А чё так невесело? Ты вообще можешь говорить?

– Да, говори, говорю..., – я присела на край парты и стала глядеть в окно. – Да тут, представляешь, никого нет на месте, никого допросить не могу, лисец какой-то имеет место быть...

– Какой лисец?

– Полный, полярный...

– Так ты же специально к ним туда ехала... Это же они оттуда приехать не могли, как ты говорила?

– Ну, да... Так, как на зло, они тут разъехались по каким-то своим геологическим партиям... Хоть документы изъяли.

– Так там же тайга кругом!.. Слушай! Они просто по каким-то заимкам отсиживаются! Ты там навербуй проводников..., – смех, – из местных, охотников каких-нибудь! – громче

смех. – И идите в тайгу – зимовья проверяйте! Где-нибудь, да найдёте... На кордонах!..., – смех, – сеновалах...

– Да, прикольно!..., – я тоже уже ржала в ответ. – Сейчас начну собираться!

– Рекомендую на собаках! Потом, если что, и сожрать можно...

– Да-да-да!

– Слушай! Это в какой-то книге про Фандорина такой сюжет есть...

– Это где? – заинтересовалась я.

– Ну, в каком-то сборнике, небольшая вещь... Рассказ, может.

– У тебя есть?

– Нет, я брал у кого-то. Но я уточню – тебе скажу название. Или ту книжку принесу, если вспомню, у кого брал.

– Ну, ок. Спасибо. Слушай, пора мне тут собираться...

– А, ну ладно. Давай, звони, если что... Если там в тайге ещё связь брать будет!

– Ладно, давай...

Когда мы вышли из горотдела, я сказала Димке, что пойду искать тот магазин, и пошла в указанном им направлении. Магазин, даже некое подобие торгового центра я нашла и, обходя его по второму кругу, наткнулась-таки на ларёчек с сувениркой: разные там подвески-обереги, резные фигурки, варганчики, хвосты и даже внушительного диаметра бубен с колотушкой, стоящий как космос. Старательно переглядев все подвески, спросила продавщицу:

– А с луком и стрелами у вас есть что-нибудь?

– С чем?

– Ну, лук, стрелы... Стрельба из лука?

– Нет, нету, кажется...

Я безнадежно подумала: «будем искать», и пошла на улицу. Решив хоть просто прогуляться, я свернула направо и не торопясь пошла по тротуару. Я примерно представляла, что эта улица идёт параллельно той, которая шла от горотдела в сторону гостиницы, и собиралась просто сделать небольшой круг, в конце концов, свернув налево на каком-нибудь перекрёстке, чтобы потом попасть на другую параллельную улицу и по ней выйти к гостинице с другой стороны. Вдоль улицы располагались приятные на вид небольшие двух-трёхэтажные домики за невысокими каменными или металлическими заборчиками, по краям проезжей части стояли маленькие деревца с ватными от снега ветвями. Улица оказалась длинной, и я просто шла и шла по ней, пропуская очередные перекрёстки. Падал редкий снежок, прохожих было мало, солнце ещё не скрылось... В общем, я дошла до конца улицы – она упиралась в замерзшую реку. Я перешла перпендикулярную дорогу и прямо-таки остолбенела. На реке здесь был довольно большой участок, во всю ширину покрытый крупными кубическими кусками яркого голубого льда!

Я просто стояла и смотрела на такую красоту, потому что раньше ничего подобного своими глазами не видела, только в интернете на фотках. Параллельно я пыталась представить – как этот участок льда образовался... С такими одинаковыми льдинками правильной формы. Ни к какому однозначному выводу я не пришла и просто двинулась налево вдоль реки – хорошо, там был тротуар – примерно в сторону гостиницы. Ну, или я предполагала, что в её сторону.

Вот, кстати, можно же будет и поделиться впечатлениями от поездки... Рассказать, какую красивую красоту наблюдала своими глазами... Что-нибудь типа: «Здрасьте... Я вам дело на продление принесла... Ну, я же в командировку по нему ездила... Да, в далёкий маленький город... И там, когда гуляла, видела на реке такое... А вы сами видели что-нибудь подобное?..» Да, теперь я даже вот так болтать с ним могу, а не тупо глазами его поедать да облизывать... Только не надо будет говорить, что ничего полезного по делу в этой командировке и не сде-

лала... Хотя, почему – не сделала? Вон, документы мы же изъяли... Соберём из остальных филиалов, назначу экспертизу...

Дорога вдоль реки продолжалась далеко вперёд, никуда не сворачивая, и никаких развилочек на ней не было. Мне же следовало теперь свернуть куда-нибудь налево, если я хотела выйти в итоге не очень далеко от гостиницы. Слева, чуть впереди виднелся массив деревьев, кажется, сосен, отгороженный невысокой каменной оградой с воротами – возможно, местный парк. По моим предположениям, та часть города, куда мне нужно было вернуться, должна была быть прямо за этим парком, и я решила пройти через него, если там будет, где пройти. Пройти было где, вернее была тропа, уходившая прямо в деревья от увиденных мною с дороги ворот – кирпичной арки без створок. Я пошла по тропинке, которая вскоре вывела на другой конец парка. И тут я снова испытала удивление. Пройдя между двумя домами, я оказалась на той же самой улице, по которой долго шла от магазина до реки... В принципе, я порадовалась, что не заблудилась, хотя вышла совершенно не туда, куда предполагала. Я повернула направо, не переходя на другую сторону улицы – ведь по той я уже ходила – и двинулась в обратном направлении, к магазину.

Пройдя первый перекрёсток, я подняла глаза и остановилась. Какая прелесть – городской краеведческий музей! Работает сегодня до... Как раз есть время. Вот сюда-то я и зайду. Надо же – краеведческий музей... А я и не подумала поискать его в этом городе!

День второй (вечер)

Войдя в фойе музея, я купила билетик у старичка, сидевшего за столиком перед дверью в первый зал. Оказалось, что зал был и единственный – довольно большой, но темноватый, с несколькими нишами и какими-то закутками по стенам, и ещё витринами в центре. Стоя на пороге, я огляделась... Так, понятно – всё как везде... Сначала минералы, должно быть, с отпечатками древних растений; окаменевшие косточки, может быть даже каких-нибудь динозавров; вон там уже – животный мир с чучелами... Потом должно пойти про местных аборигенов и про их верования, про русских переселенцев, всякие ржавые сабли и пищали, предметы охоты и ремёсел... Дальше будет про приход советской власти... Интересно, тут в Гражданскую происходило хотя-бы что-нибудь или обошлось...

Я стала разглядывать первые витрины экспозиции. Прошла их быстро, направляясь к чучелам зверей – интересно, что тут живёт в лесах и на горах...

То, что я окажусь единственным посетителем музея – я была уверена, так какого же было моё удивление, когда между витринами в центре зала я заметила на противоположной стороне ещё одного человека! Молодой парень в синих джинсах и белом свитере стоял спиной ко мне перед одним из стендов. Я осмотрела зверьё, подошла к исторической – то есть человеческой – части экспозиции, остановилась у витрины с шаманской атрибутикой – бубнами, маленькими идолами, костюмами... Парень теперь был у меня в секторе бокового зрения, он всё стоял перед тем же стендом, близко приблизив голову к стеклу. Так, а интересно, где он разделся? Гардероба в фойе я не заметила, да и старичок не просил меня раздеться, так что я просто расстегнула пуховик и сняла шапку. А вот парень-то куда верхнюю одежду девал?.. Не может же он быть сотрудником музея... И тут я увидела, что он что-то делает с конструкцией стенда. Я развернулась к нему – он орудовал отвёрткой, раскручивая в правом нижнем углу крепление большого фронтального стекла. Выкрутив длинный болт, он передвинулся к углу левому и тут заметил меня. Видимо, у меня на лице было достаточно офигевшее выражение, так как он разулыбался, выпрямился и сказал:

– Нет-нет, я не граблю музей!.. Мне можно... Я тут... работаю. Здравствуй, Таня!

Бог ты мой! Это, что же за день чудес сегодня? Как такое вообще может быть? Здесь?!.

– Сашка?! – я так и не знала, что делать. – Привет!.. Ты что здесь делаешь?!

Я сделала шаг навстречу, он подошёл ко мне, приобнял, я даже ответила...

– Ты что здесь делаешь? – переспросила я. – Как ты тут оказался... в музее? Куда ты вообще... тогда подевался?

– Говорю же – работаю я тут! – Сашка продолжал улыбаться всё той же своей очаровательной улыбкой, как и в институте он всегда улыбался. Именно точно так же...

– Где работаешь – в музее?!

Это же надо – встретить через столько... а, кстати, сколько лет? Лет семь ведь прошло... Встретить однокурсника, вот так в не пойми какой глухомани, где он вообще не должен был быть... Хотя, кстати, нет – вот не так уж это и удивительно, зная его. Да, сложнее было бы его представить... наверное, как раз работающим в нашей сфере, да и вообще юристом, хоть на юриста он и учился. А вот в краеведческом музее этого волшебного городка – это про него...

– Ну, сейчас – да, здесь. Подрабатываю...

– Так, а вообще? – ничего не поняла я.

– Ну, я тут одно время айтишником работал в местном геологическом управлении...

– Где?! – чуть не заорала я, давась смехом.

– Ну, это же есть такое предприятие в нашем родном городе – «Южсибгеология», – напомнил он, – а здесь у него один из филиалов... Они геологи, ископаемые ищут...

– Вот ты не шутишь сейчас?! – я просто не могла поверить в очередное такое совпадение...

– Стоп, а что ты ржёшь-то? – тоже засмеялся Сашка. – Ты сама-то что в этой дыре делаешь?

Прямо, как будто и не прошло всех этих лет... Такой же придурок, классно... Вот, где ты был, родимый, хотя бы год назад?

– Да я по работе тут, в командировке типа, – сказала я, понимая, что и меня здесь встретить – это как... не знаю что...

– А, ну да – ты же следователь?

Как искренне-то восхитился он сейчас... Аж приятно...

– Да... а откуда ты знаешь? – так-так, после института мы не встречались, да и работать я пошла только на следующий год после выпуска.

– Вроде, говорил кто-то из группы – не помню кто. Давно ещё. И ты прямо по уголовному делу приехала работать? Прикольно!.. Скажи ещё – по «Южсибгеологии»!

– А вот ты будешь смеяться...

– Да, буду! То есть, что – правда?! – он снова рассмеялся, да так что чуть не сложился пополам. Заливисто так рассмеялся...

– Ну, да – по ней. Тут в филиале мне людей допросить надо...

Вернее – надо было, но...

– Да, нет – ну, правда, что-ли?! – Сашка ржал. – Это ж такое прикольное совпадение!

– Да уж, просто охренеть – какое, – согласилась я.

– А здесь-то ты как оказалась? – Сашка отступил на шаг и рассматривал меня своими сияющими глазами... – В музее?

– Просто шла, смотрю – музей...

– Серьёзно?! Офигеть! Это же как: «шли по лесу и встретили программиста»! Так, ведь?

– Да-да-да!!! – я чуть не завизжала от удовольствия теперешнего момента. И, ведь, помнит... Я же в институте всё с книжками Стругацких в руках ходила и доставала всех через одного с цитатами и своим ржачем над этими цитатами... Ржач, в основном, был понятен только мне самой. Ну, да и вот Сашке... Что за день сегодня! Такого же не бывает! Так классно...

– Да, это просто перст божий! – добавил он. – Слушай, – Сашка заговорщицки подмигнул, – это надо запить! Ты как?

Да, это точно был он. Не то, чтобы я сомневалась в этом... Но так всё оно и было в своё время.

– Да я с радостью...

– А тебе можно сейчас? Или тебе... ещё допрашивать?

– А, что – прямо здесь? – я брякнула, что первое подвернулось на язык, и, как это часто бывало, оказалась права, хоть и, как обычно, к моему же удивлению.

– Ну, да... – ещё одно подмигивание, ещё более заговорщическое, – ты когда-нибудь бухала в музей?

– Нет... Допрашивать – допрашивала, а вот бухать не приходилось.

– О, правда? Расскажешь? Ну, пожалуйста!

– Да, конечно расскажу. Кстати, я тоже витрины вскрывала... Вернее... для меня вскрывали.

– Это я по работе! – шутливо ужаснулся Сашка, кивнув в сторону той витрины, с которой возился, когда я его увидела.

Нет, такую встречу я на всю жизнь запомню!

– Ну, так я сейчас! Посмотри пока тут всё... – Сашка развернулся и исчез за той дверью, в которую я входила.

Интересно, что он тут хотел сделать? Я стала рассматривать всё ту же витрину. А... тут у нас, таки, Гражданская. На вертикальной поверхности маленькие тусклые фотки, пожелтевшие бланки, исписанные почти уже невидными чернилами. Ого – орден «Знак почёта»! Интересно...

Тут Сашка вернулся в зал, плотно прикрыл дверь и... закрыл на ключ. Интересно... После этого он обернулся через плечо, ухмыльнулся и прошёл в один из закутков зала, где была оборудована даже какая-то инсталляция. Там в углу была ещё дверь, за которой он и скрылся.

Так, дальше... На горизонтальной поверхности внизу витрины лежал ржавый наган, пашка – или что-то похожее – на треть вынутая из потёртых ножен, но, на мой неискушённый взгляд, вполне в приличном состоянии. Рядом россыпь разнокалиберных красных звёздочек, одна покрупнее со странными какими-то серпом и молотом... А, так это, наверное, мотыга... и молот, всё-таки, и буквы ещё какие-то сверху... Не разобрать – стёрлись. С краю лежала будёновка, и даже я сразу поняла, что сделана она была совсем недавно...

Тут снова появился Сашка, причём из совершенно другой ниши на другой стороне зала.

– Тань, давай сюда! – позвал он.

Я подошла, в руках у него была бутылка, два гранёных стакана и штопор.

– Только закусить нечем будет... – Сашка развел руками, не выпуская принесённое. – Я, признаться, не ждал гостей...

– Да, всё нормально! – улыбнулась я. Всё как и тогда... Как всегда тогда.

– Смотри, давай здесь... – Сашка поставил всё на небольшой столик, который я раньше и не заметила у стены. – Помоги, давай передвинем.

Мы с осторожностью перенесли столик на середину прохода, Сашка достал из тёмных углов два деревянных стула, которые, вероятно, служили здесь просто экспонатами, а так на них могли бы сидеть смотрительницы – такие отрешённые старушки, как в больших музеях...

– Я сейчас, – сказал он и снова направился к главному входу – или выходу? Там рядом с дверным косяком он открыл какой-то лючок и стал в нём щёлкать. Свет в зале погас, весь.

– Ой! – радостно заорал Сашка. Снова раздался щелчок, и половина зала осветилась. Та, что была ближе к двери. Стол, вино и я оставались практически в темноте, так как нас закрывала центральная группа витрин, а они доходили до потолка, а свет и в полном-то объёме был тусклым.

– Смотри! – так же радостно заорал Сашка. Щёлкнуло, и у меня из-за спины полился мягкий свет. – Как тебе?!

Я обернулась. Это было прекрасно. Слева от меня была витрина с чучелами мелких зверьков – всяких там белочек-бурундучков-колонков, и маленьких птичек – всяких там воробьёв-синичек, снегирей-свиристелей. А справа в витрине были как раз все те бубны, идолы, костюмы с бахромой и несуразными масками... Обе эти витрины подсвечивались изнутри сверху мягким жёлтым светом нескольких маленьких электрических лампочек, и этот свет приятно ложился на мех, перья, зубки, потрескавшуюся кожу бубнов, потемневшее дерево идолов, страшные маски с бахромой, а под каждым предметом залегли чёрные тени... Это было прекрасно...

Пока я стояла и созерцала, Сашка тактично, впрочем, как и всегда, занялся необходимым: открыл бутылку и разлил вино по стаканам.

– Садись, – просто сказал он, и я опустилась на стул напротив него. – Нравится? Прикольно, правда?

– Не то слово! – разулыбалась я.

– За встречу? – сказал Сашка, и мы чокнулись.

– Вкусно, – сказала я и потянулась к бутылке – посмотреть.

– Ну, конечно, не кэнналийское, – улыбнулся Сашка, – но пить вполне можно. Рад вас видеть, баронесса в моём скромном замке...

В этом он был весь – в своём обычном фэнтезийно-ироничном стиле...

– А это нормально, вообще... – я неопределённо повела рукой, – ну, что мы тут вот так... мило сидим? Тебе ничего за это не будет?

– Ой, да я тебя умоляю! – Сашка разлил ещё.

– Нет... ну, серьёзно? – не унималась я. – Не хочу, чтобы неприятности у тебя были... стали... из-за меня...

– Я скажу, что ты здесь следственный эксперимент какой-нибудь проводила, – улыбнулся он. – А если серьёзно – то всё нормально. Я тут работаю... меня, вроде как, ценят... Ну, пока ещё... Я сказал, чтобы, если что – сказали, что я работаю с экспонатами. Кстати, так и было до твоего прихода. И это, кстати, в зале нужно делать без посетителей. А поскольку я тут после работы задерживаться не намерен, то вполне мог закрыться, благо – сюда почти и не ходит никто. Так, школьников приводят периодически... А начальство тоже сейчас не должно сунуться.

– Ну, тогда я спокойна, – сказала я, откинулась на спинку стула и стала смотреть через полный стакан на просвет на лампочки подсветки витрины. Огоньки просвечивали глубоким рубиновым светом.

– Камина тут у тебя не хватает, – сказала я, делая глоток.

– Да я тоже подумывал... Но не разрешат, мне кажется.

Мы дружно посмеялись...

– Так, а в филиале нашем... – спросил Сашка, – тебе... ну, что ты там... расследуешь? Если не секрет, конечно.

– Ну, как – не секрет?... – мне не то чтобы не хотелось говорить, да, в принципе, я и не должна была говорить. Вернее, должна была не говорить... Но мне как-то погруснело сразу... Только вот болтали про институтские времена, вспоминали, какую фигню творили... А так-то у меня по делу завал намечается... Когда же всё это закончится?..

– Вроде как хищение там имело место быть... Вот сейчас выясняем.

– Понятно. Это во время реорганизации?

– Ну, да... Слушай, – я даже подалась вперёд, – а тебе про эту реорганизацию что-нибудь известно?... Нет, – я помахала рукой у себя перед лицом, – давай вообще про это говорить не будем... Не хочу.

А сама подумала, что но ведь там работал... допросить бы надо... Не надо. Допила вино из стакана и поставила его на стол. Как-то резковато это у меня вышло...

– Это когда генеральный директор всей «Южсибгеологии» решил филиалы из управления вывести и в своей личной фирмочке собрать? – Сашка разлил остатки вина из бутылки. – Загадывай желание! – это мне достались последние капли. Опять, как в институте дурачились... Желание – легко сказать... Весь мир и коньки в придачу, пожалуйста заверните...

– Так это, что – общеизвестно здесь? – вслух спросила я, пристально уставившись на Сашку, и пытаюсь соображать, что мне можно сделать по делу... Соображать не получалось.

– Не знаю, насколько общеизвестно... Но генеральный именно так... проинструктировал нашего директора. Ну, то есть директора здешнего филиала.

– А ты это откуда знаешь? – я как будто даже и протрезвела немного.

– Я слы-ышал... – протянул Сашка загадочным шёпотом, картинно расширив глаза и разводя руками.

– Нет, серьёзно! – мне уже надо было знать. Какие-там «не хочу – не буду»! Допрашивать я его, конечно, не буду, но если он что-то знает, то можно будет перепроверить...

– Да наш директор это своему заму втолковывал... Как генеральный его... какие он ему указания дал, как на собрание филиала этот вопрос вынести и как обосновать, чтобы решение как-будто самостоятельное было...

– А тебе... откуда это известно? – с запинкой снова спросила я, всё-таки мне как-то неприятно было вот так вот с ним говорить про всё это...

– Ну, – Сашка потупился, улыбаясь почти виновато, – я, получается, подслушал разговор нашего директора с замом... Ну, случайно совершенно получилось... Они и не заметили даже, – Сашка усмехнулся. – Директор даже сказал, что генеральный с ними обоими обещал поделиться после собрания... Ну, после выхода филиала.

– Поделиться?! Сколько?!

– Не знаю. Там в общих чертах разговор шёл. Да и я... Я в приёмной оказался, – зашёл, а они не слышали... Ну, я и вышел также тихо, там у них на повышенных тонах разговор был.

– А где это было? – робко спросила я, почти умоляюще.

– В директорском кабинете.

– А секретарши, что – не было?

– Нет, никого не было.

– А когда?

– Летом, в июне, вроде...

– Ну, да – собрание в конце июня было, – вспомнила я.

– Да, точно.

– А ты после этого оттуда ушёл?

– Нет, уже в сентябре, по сокращению, – Сашка поставил свой пустой стакан на стол и с печалью в голосе заключил – Хорошо, но мало.

– Да мне тоже хорошо уже, – согласилась я потягиваясь.

– Так бы и продолжить можно было бы, – мечтательно сказал Сашка, – но у меня тут больше нет, да и доделать мне ещё надо...

– Я тебя, поди, отвлекла? Я не сильно помешала?

– Ерунды не говори. Знаешь, как я рад тебя видеть!

– Да я тоже рада... Но я тебя точно не отвлекаю?..

– Говорю же – нет, – Сашка посмотрел на часы. – Мне, правда, через час уходить... Дома ещё хотел поработать. Как раз успею тут доделать. Так что, если у тебя самой есть время, то можешь посмотреть...

– На что? – не поняла я.

– Я тут экспозицию немного дополняю – надо пару предметов на стенде разместить и пояснения ещё...

– А, это то, что ты там делал? – кивнула я в сторону той витрины, у которой он возился вначале. – А что за предметы?

– Документ один и фотография времён Гражданской войны. Как раз про эти места. Представляешь – случайно нашёл, у одного типа просто дома валялись, так он даже выбросить хотел!

– Ничего себе! – искренне удивилась я. – Это ж классно! И теперь они тут будут, в музее... Ты молодец! Тебе какую-нибудь благодарность должны... объявить.

– Давай, я унесу это всё, – Сашка поднялся и взял со стола стаканы и бутылку. – А потом помогать мне будешь.

– А можно? – обрадовалась я. – Что делать?

– Сейчас витрину вскрывать будем...

Я шла по ночному уже городу, улыбалась и стремительно трезвела. Как всё-таки классно получилась! Какая совершенно неожиданная встреча... и в такой обстановке! Да ещё и экспозицию мы поменяли. Я предложила Сашке, как лучше расположить по-новому документы на вертикальном стенде, и он согласился, сказал, что сам не подумал так... А потом мы прикрутили фронтальное стекло на место и любовались результатом. Всё-таки во мне умер неплохой музейщик... Ну, да ладно! Жаль, что не так много времени у нас было. И завтра уже уезжать, а он ещё не освободится с работы. Так-то в музей можно было бы снова прийти, а вот на ТЭЦ, где Сашка сейчас чинит локальную сеть, просто так, наверное, не пустят. Не махать же удостоверением... Просто бы погулять с ним по городу или посидеть где-нибудь также... Есть тут ведь какое-нибудь кафе... Но, похоже не получится – отъезд у нас в три часа дня, чтобы успеть на ночной поезд.

А почему я у него не спросила, как он тут-то вообще оказался? Нет – спросила, а он отшутился как-то... Не помню совершенно, что именно он сказал. Поняла только, что про это он распространяться не расположен. А значит – ничего от него и не добьёшься. Как и раньше. Может, стесняется просто... Оказаться в такой – будем откровенны – дыре... Хотя, он вполне доволен и музеем и новой работой. Но, опять же – с виду, а по виду ничего про него никогда не поймешь... Да и что значит – дыра? Вон, интернет у него здесь есть, бассейн, природа офигенная. На велике всю округу, говорит, изъездил, зимой – лыжня прямо от подъезда начинается. Да и в таких городишках, всё-таки, совершенно особый микроклимат, в смысле – взаимоотношения между людьми. Как говорят, опять же...

Хорошо, хоть номерами телефонов обменялись и электронкой. Хотя, зная меня, созваниваться мы будем редко... В принципе, в отпуске можно будет сюда приехать дней на несколько. Хоть зимой, хоть летом... Летом лучше – по горам походить можно будет. Да и на выходные сюда как-нибудь смотаться можно – было бы желание. Да и он говорил, что бывает в родном городе. Только, что-то не попадался на глаза. Нет, ну как жалко, что завтра днём уезжать, а Сашка до вечера никак не сможет освободиться...

На крыльце гостиницы стоял и курил Дмитрий. И курил уже довольно нервно, что было видно.

– Татьяна Дмитриевна, вы куда пропали? – спросил он, впрочем, спокойно, так как уже понял, что всё в порядке.

– Да я тут, представляешь, знакомого из института встретила! – жизнерадостно поделилась я. – Он тут в музее работает.

– Знакомый?

– Да...

– Ты же в юридическом училась... Или из исторического?

– Этот, как раз, из юридического. А перед этим я ещё и заблудиться тут умудрилась... В трёх соснах буквально! Ходила такая, аукала... – рассмеялась я.

– Таня, что ты всё время куришь? Я хочу такую же траву.

– Знаете, Дмитрий, – я уселась на перила и стала болтать ногами, – я девушка некурящая вообще-то, меня просто при рождении уронили в чан с наркотиками.

– Да, это многое объясняет, – с серьезнейшей рожей согласился Дмитрий, после чего только рассмеялся. – Но отмечали-то вы встречу не наркотиками...

– А что – заметно?

– Глаза блестят.

– Так то – от радости встречи.

– А, тогда понятно... И, кстати, сотовый у тебя недоступен был.

– Да? Странно... Наверное, там место такое.

– Ну, наверное. На ужин пойдем?

– О, конечно, пойдем! Я голодная, как не знаю кто!

Ужинали мы в одиночестве. Дмитрий достал и, нимало не смущаясь, поставил на стол маленькую бутылку коньяка.

– Будешь? – спросил он.

– А давай! – согласилась я. – Слишком хороший вечер, чтобы останавливаться...

– Хороший?.. Вроде, ты днём не очень-то довольна была.

– Да, говорю же – встретила этого знакомого, такая нереальная встреча!

– Ну, давай – за хороший вечер! – Дмитрий плеснул немного коньяка в стаканы, которые были на столе, для сока или воды – надо полагать.

– Давай...

– Вот, блин – тренировку завтра пропущу, – сказала я, потягиваясь, когда мы всё доели и почти всё допили. Правда, Дмитрий себе наливал побольше, но мне и так было хорошо. Свой стакан с коньяком на дне я уже долго вертела в руке, иногда поднося к носу и нюхая.

– Тренировку? – отвлеченно спросил он, рассматривая этикетку на бутылке. – Какую?

– Ну, вот... – я сделала вид, как будто растягиваю лук.

– А, точно, ты же у нас лучница...

– Да вот – лучница, – я, наконец, выпила, поставила стакан и быстро-быстро потянулась за долькой яблока, которое Дмитрий тоже предусмотрительно принёс с собой.

– А ты давно занимаешься?

– Два года уже... Вот недавно было.

– И как – попадаешь?

Тут я заржала и если бы не прожевала уже яблоко – может быть, и подавилась бы. Это ж надо выдать то самое: «И как – попадаешь?» Прямо как с картинки в интернетах! Причем, что хорошо – он совершенно искренне так спросил и искренне не понял моего ржача.

– Бывает... – сказала я сквозь смех.

– А что смешного-то? – спросил Дмитрий, правда, совершенно не обидевшись.

– Да нет – ничего, не обращай... Это я так... Попадаю иногда. Чтобы хорошо попадать лет десять надо стрелять.

– Сколько? Десять?! Да ну, нафиг...

– Не, серьезно. Я пока только в самом начале пути лука...

– А как ты вообще это нашла?

– Да, представляешь... – начала я.

– Ну, хотя я и не удивлен, – как-бы про себя пробормотал Дмитрий. Но я услышала.

– Почему это – не удивлен? Что за...?

– Да нет, продолжай.

– Чего?

– Ну, как начала заниматься?

– А... Да шла как-то днем мимо «Клуба Строителей», из прокуратуры или в прокуратуру... Нет, точно – из. Вот... Иду я и вижу там, на афише – «что-то там и стрельба из лука».

Я прям остановилась, глазам своим не верю – стрельба из лука! У нас в городе! Ну и сразу зашла. На вахте мне тетка сказала, что сейчас их там нет, вечером будут. Я вечером с работы – туда. Ещё специально сразу в половине шестого ушла. На вахте мне объяснили, как пройти – там у нас в подвале тир. А я такая ещё с портфелем со своим, какая-то дёрганая после работы... Спускаюсь, а самой так что-то неудобно стало, не знаю – почему... Застеснялась такая, короче... Ну, там захожу, смотрю – малолетки какие-то с луками стоят, что-то с ними делают, зеркала там какие-то везде... И обратиться как-бы не к кому, и никто на меня внимания не обращает. А потом следом за мною заходит девчонка моего примерно возраста, рыжая такая, она на крыльце ещё курила, когда я заходила. Оказалось – тренер это наш, Марго. Ну, она мне объяснила – что-как, и я на следующее занятие уже через день пришла заниматься.

– Лук тебе сразу дали?

– Ага... Если бы! Я там месяца два сначала гантельки тягала, резиночки всякие растягивала, у зеркала стояла с сумеречным луком...

– С каким?

– Ну, то есть без лука... Просто в стойке лучника, как будто с луком. Вот так, – я показала – как.

– И два месяца так? Что, всё так серьезно?

– Ну, типа того... Нет, там, правда, надо сначала о-фэ-пэ позаниматься, стойку выставить... Потому что, чтобы стрелять – всё всегда одинаково надо делать, ну, все движения.

– Что-то я думал – ничего там сложного, взял и шмаляй.

– Во-во... Все так думают... Потом я еще просто с луком у зеркала стояла, училась натягивать. И только после этого мне Марго разрешила на три метра начать стрелять.

– А что там попадать-то на три метра?

– Боже мой! – я закатила глаза. – Это технику чтоб отрабатывать, выпуск там... Вот...

А! Я первый раз такая стою, лук со стрелой уже натянула, а отпустить боюсь – ступор какой-то... Марго на меня уже орать начала, ну я зажмурилась и выстрелила... Первый раз тогда.

– И попала? – улыбнулся Дмитрий.

– Ну, с трёх метров-то, что не попасть? – засмеялась я.

День третий (утро)

... И зачем я после ужина уселась перед телевизором в холле на этаже? Спать ведь хотела – еле ноги переставляла, когда из столовой шли... Подумала ещё: пощёлкаю каналы – и спать. Но, не тут-то было... Надо же было на тот же самый фильм наткнуться про альпинистов, который тогда осенью у дяди Алика смотрела. Вернее, там-то я только концовку захватила, а сейчас, когда поняла, что фильм – тот самый, и что он только начинается – ну, и всё, мне же посмотреть его потребовалось!.. Но, какой же он нудный и затянутый, боже мой! Сколько же им можно вокруг этой горы шариться? И эти вставки – рассказы настоящих участников событий... Так, получается они не все погибли при поисках той пещеры? А когда первый раз смотрела, то показалось, что все... Странно. А, ну вот – эти в живых остались, которые ушли, а остальных лавина накрыла. Теперь понятно. Да, красивый кадр – уходят вдаль по снежной целине между горных склонов... Всё – титры на фоне гор. Знакомая мелодия... «Закат раскинулся крестом поверх долин, вершин и грёз...» Да не может этого быть!!! Вставили как финальный саундтрек «Мельницу»! Офигенно! Вот это режиссёрский ход! А главное – ведь так подходит! Как круто!..

...И тут я проснулась. В своём номере, в кровати, утром. И понимала, что проснулась от чувства восторга! Именно – проснулась от восторга, который ощутила во сне, когда поняла, *что* за песня играет...

Получается, мне приснилось, что я смотрела по телевизору тот документальный фильм-реконструкцию. И приснилось, что в конце фильма звучала «Господин горных дорог». Нет, ну

вот ничего себе! Ну, классно же это... Как подошло-то! И ведь мне приснился весь фильм – которого я наяву не видела – я же помню во сне эпизоды, как они там вокруг этой горы ходили и рассказывали – только чтобы в конце услышать «Мельницу»!

Я полежала ещё какое-то время, отключила будильник, который должен был зазвонить через минуту, и встала с кровати.

В горотделе я намеревалась собрать изъятые вчера документы, то есть просто упаковать их во что-нибудь – разбирать буду уже дома. В смысле – на работе. Так что потом можно было возвращаться в гостиницу, пообедать и отправляться в обратный путь, чтобы завтра к вечеру приехать домой. Больше в горотделе делать было и нечего... Поручения я все отдала вчера, а про то, что оставляла в филиале повестки, уже и думать забыла. Как оказалось, зря...

Директор филиала поджидал меня рядом с нашим временным кабинетом и, видимо, пришёл вовремя, а я вот, получается, опоздала. Правда, минут на десять, не больше. Димка остался внизу поискать того пропавшего местного опера, а я вошла в кабинет, не обращая внимания на торчащего рядом мужика – мало ли кто у них тут ошивается.

– Татьяна Дмитриевна? – угрюмо осведомился мужик, проходя за мною в кабинет.

– Да, а вы к кому? – автоматически спросила я.

– Ну, видимо, к вам, – всё тем же угрюмым тоном сообщил мужик, – если это вы мне оставляли, – он протянул мне вчерашнюю повестку.

Я, признаться, обалдела. Вот уже не ожидала я такого развития событий и не готова была к ним.

– Здравствуйте, – сказала я, осматривая его внимательнее. – Вы – Владимир Сергеевич? – Чем-то он был неуловимо похож на своего заместителя, вот только светло-серые глаза – жестковатые такие.

– Ну, допустим, Сергеевич – не расположен был Владимир Сергеевич к конструктивному общению. Ну, да посмотрим...

– Хорошо... – я заставила себя не сказать «спасибо, что пришли» – рано ещё. – Подождите, пожалуйста, в коридоре... Буквально две минуты.

Владимир Сергеевич – это прямо было видно – хотел уже сказать всё, что он про меня думает, и что он и так уже меня тут ждал, но в итоге только ещё больше набылчился и молча вышел. Только желваки на лице заходили.

Я быстро сняла куртку, накинула её на спинку стула, пригладила волосы, достала из портфеля бланк протокола допроса и ручку, приставила другой стул перед столом, где собралась сесть.

– Заходите, – я выглянула из кабинета. Уверена – прошло меньше двух минут. Владимир Сергеевич стоял у окна в конце коридора. Медленно развернулся и медленно же пошёл.

Пока он дошёл, я успела сесть за стол, расправить бланк и снять колпачок с ручки. Директор вошёл, прикрыл за собою дверь и исподлобья осмотрелся.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – я показала на стул напротив себя. – Можете раздеться.

Он повозился, снимая дублёнку, снова недовольно огляделся и положил её на соседнюю парту. Наконец, сел и сказал, глядя на меня в упор:

– Слушаю вас.

Я, как обычно, представилась, сказала, что в производстве у меня такое-то уголовное дело, что надо мне с ним по этому поводу побеседовать...

– А не о чем мне с вами беседовать, – спокойно сказал Владимир Сергеевич. Спокойнее, чем я ожидала. – Я про всё это уже беседовал.

«Вот те раз!» – подумала я и спросила:

– С кем беседовали? – тоже спокойно спросила, хотя очень-очень мне было интересно...

– Ну, от вас приходил сотрудник на прошлой неделе.

«Вот те два!» – снова подумала я.

– От меня к вам никто не мог приходить, я только вчера... нет – позавчера сюда приехала. Мы же с вами по телефону говорили, помните?

– Помню.

– Так, а кто и когда, куда приходил?

– Ну, это вам виднее должно быть. Милиционер приходил... в филиал к нам... из ОБЭПа – сказал...

– А фамилия у него какая была?

– Не помню.

– Как – не помните? – я пыталась соображать: может это тот опер, который нас встретить должен был и который пропал... Но он не должен был подробно ни с кем общаться, да он и не знал конкретно – о чём...

– Так ведь я не знал, что фамилию запомнить надо.

– И о чём вы с ним говорили, о чём он спрашивал? – задав вопрос, я подумала, что, может, и не надо пока в эту странную историю лезть, а надо допрашивать директора по сути дела, с самого начала, как и планировала. Хотя, может, так он проще разговориться...

– Да о том же примерно, что вы сейчас сказали... Да и не помню я сейчас уже точно...

Вы задавайте вопросы.

«Ну, хорошо» – подумала я и придвинула к себе бланк протокола.

– Мне вас нужно допросить в качестве свидетеля, – я поставила в протоколе дату, место и время. – Фамилия, имя, отчество?..

На моё удивление, он всё также спокойно отвечал на анкетные вопросы протокола. После этого я дала ему прочитать пропечатанные в протоколе права и обязанности свидетеля, попросила расписаться, что он и сделал. Всё это время я почти что лихорадочно думала: как мне поступить, с чего и как начать допрос... В обычном порядке сначала побеседовать без записи, задать все нужные вопросы, а потом уже всё сформулировать и записать сплошным текстом? Сразу начать записывать, задавая конкретные вопросы? Или...

– Скажите, – решила я, а сама внутри вся дрожала, но надо было смотреть на его лицо, – а Тризубский в итоге с вами рассчитался за то, что на собрании было принято решение о выходе филиала из «Южсибгеологии» и о вхождении в его компанию?

И вот тут случилась немая сцена, прямо как у Гоголя, хотя и в одном лишь лице Владимира Сергеевича... Он, конечно, быстро, очень быстро с собой совладал, но даже я с моим неумением «читать» людей поняла, что попала абсолютно точно... Что всё оно так и было на самом деле, как рассказал мне вчера Сашка. Вот ведь повезло же!..

Он тоже понял, что я всё поняла. А я на мгновение просто словила кайф от этого ощущения, от этого попадания... Никогда раньше у меня такого не было, да никогда раньше я так и не делала.

– Там написано – я могу отказаться от дачи показаний, – немного порывисто сказал директор. – Я ничего говорить не буду.

И даже уголком губ дёрнул... «Какая я молодец!» – подумала я, и ещё подумала, что пытаться разговорить его сейчас бесполезно. Можно было себя заставить и убить какое-то время, но я была практически уверена, что он не заговорит, чем бы я к нему не взывала сейчас. Было видно, что он принял решение, и будет ему следовать. По крайней мере, в ближайшее время. Взял паузу – ну, и ладно... Одновременно я понимала, что сама не хочу пытаться его разговорить, убеждать, угрожать... Я была уверена, что узнала правду, а как ею распорядиться, как подтвердить, а в идеале – зафиксировать, я буду думать потом. И то, что это неправильно – я тоже понимала...

Я быстро записала в протоколе про отказ от дачи показаний, дала ему расписаться.

– Я могу идти? – спросил он.

– Да, всего доброго.

Он молча поднялся и вышел из кабинета. Быстрее, чем входил – заметила я и ещё немного порадовалась... Так, а где же у нас свет наш Димитрий?..

– Дим, а ты где сейчас? – спросила я в трубку.

– На первом этаже...

– Знаешь, кто у меня сейчас был? Вот только что!

– И кто?

– Директор местный... потерявшийся.

– Где был?

– Ну, я его только что допросила в кабинете этом нашем... на втором который.

– Он, что – пришёл?!

– Ну, да... Только он тоже отказался...

– Так, а заместителя директора ты ещё раз вызывала на сегодня? – спросил Дмитрий.

– Нет, а что?..

– Да вот он тут – на первом этаже... С мужиком каким-то разговаривает.

– С таким в тёмно-рыжей дублёнке?

– Да...

– Так это директор и есть... Они тебя видят?

– Нет, не видят. Директор тебе ещё нужен или может идти?

– Да идти может... Ты там, если можешь, погляди за ними... Пока они в здании.

– Хорошо... Так, а зама к тебе привести?.. Кстати, они тут что-то на повышенных тонах разговаривают... Только вот разобрать я не могу.

– Вот как... – задумалась я. Интересно, что тут зам директора-то делает сегодня? Они, что – вместе пришли? – Ну, ладно, ты тогда поднимайся, как они уйдут...

– Понял, хорошо.

– Так, – Дмитрий набрал меня минуты через три, – директор вышел, а зам пока в коридоре торчит... Так... пошёл на лестницу, поднимается... Если он к тебе идёт – мне зайти или в коридоре подождать?

Дверь в кабинет открылась, и в неё просунулся заместитель директора филиала Виктор Геннадьевич.

– Разрешите? – у него было какое-то странное выражение лица, я не поняла: то ли растерянность, то ли решительность.

– Да, подожди пока, – сказала я Дмитрию в трубку. – Проходите, Виктор Геннадьевич...

– Татьяна Дмитриевна... – начал Виктор Геннадьевич. Надо же – запомнил, как меня зовут...

– Да, слушаю вас...

– Татьяна Дмитриевна, я хочу... поменять свои показания. То, что я вчера...

– Так ведь вы же вчера никакие показания и не давали, отказались от показаний... – я внутренне блаженствовала. – Как можно поменять... ничего? – я просто не удержалась и смотрела на него...

– Я... хочу... рассказать... как всё было.

– Слушаю вас, Виктор Геннадьевич, – я полезла в портфель, достала новый бланк протокола, положила перед собой на стол, взяла ручку... но просто покрутила её в пальцах.

– Дело в том, что директор филиала...

– Владимир Сергеевич, – я пришла на помощь.

– Да... Он... предложил мне согласиться... чтобы наш филиал вышел из состава «Южсибгеологии» и вошёл в состав... этой новой «Южсибгеологии-Н», которую учредил Тризубский.

– Генеральный директор «Южсибгеологии», – подсказала я.

– Да...

В общем, за последующие полчаса Виктор Геннадьевич рассказал мне всё, что я хотела от него услышать: как директор филиала пересказал ему требования Трибунского, как убедил его на это согласиться, так как на тот момент это казалось единственным выходом для филиала... Тогда, и в правду, филиал мог только обанкротиться и перестать существовать... Как предлагал поделиться деньгами, полученными от Трибунского, и как он эти деньги брать отказался... (Ой, ли?) Как проводили собрание и оформляли решение...

Я всё это старательно и подробно записала, формулируя то, что он говорил так, как мне это требовалось. Он прочитал, подписал, и я его отпустила. Дверь уже за ним закрылась, через какое-то время вошёл Дмитрий, а я всё не могла поверить в случившееся. Они повздорили после того, как я сказала директору, что всё знаю. Неужели он подумал, что мне это слил заместитель? После чего бедному заму, который ни в чём виноват не был, ничего не оставалось, как – в обиду на директора – мне всё рассказать? Идиотская, конечно ситуация, но как удачно всё получилось-то!

– Будем домой собираться? – спросила я Дмитрия.

– Ну, да – что тут ещё делать-то? – улыбнулся он.

Но неизбежный отъезд домой нам ещё не грозил...

Когда я уже собрала в номере все вещи, оделась и взяла сумку, чтобы выйти в коридор, ко мне заглянул Дмитрий.

– Шеф, всё пропало! – сообщил он, улыбаясь, впрочем, не весело.

– Что – гипс снимают? – пошутила я, ничего не понимая.

– Перевалы замело, – пояснил он. – Видела же, какой с утра снег идёт?

– И что? – тупо спросила я.

– Дороги нет, не проехать, – пояснил он. И добавил, видимо, для особо тупых: – Остаёмся.

– Остаёмся зимовать? – переспросила я, и до меня стало доходить. Кстати, снег, как начавшись вчера вечером, так и не прекращался.

– Завтра обещают дорогу расчистить.

– В смысле – распаковываться? – сказала я, бросая сумку на кровать.

– Да, завтра не раньше двенадцати поехать сможем.

– Как хорошо-то! – выдохнула я, расстегнула и сбросила куртку, после чего, не разуваясь, повалилась на кровать. – А гостиницу продлить?.. И что с билетами?

– Я всё сделал уже.

– Ты – молодец...

– Сашка!!! – вопила я в трубку через полминуты. – Я осталась тут до завтра!!! Ты когда освобождаешься?

День третий (вечер)

Чтобы не торчать в номере, я оделась и вышла на улицу. Было ещё только три часа дня, до назначенной встречи с Сашкой оставалось больше двух часов, и я не знала, чем себя занять. Встретиться с ним снова очень хотелось, ведь вчера о многом не успели поговорить... Мало повспоминали про институт – надо исправить. Я не успела порассказывать ему про свою работу, хоть он и сильно интересовался. Про музей свой он толком не объяснил, как там оказался... Кстати, надо будет про сегодняшние допросы рассказать – пусть порадует.

Хватило меня на улице минут на пятнадцать, не больше, потому что в дополнение к снегопаду, который был очень красив, поднялся ветер... Началась метель, и снег достаточно неприятно бил в лицо. Я вернулась в гостиницу, прогулявшись туда-сюда около крыльца. Поднялась в номер, разделась, вышла, походила по этажу, спустилась в вестибюль, поднялась обратно и завалилась в номере на кровать. Было около четырёх часов.

Без пятнадцати пять я снова стала собираться, это заняло у меня, хорошо, если минуты две. Подходя уже к лестнице, я вспомнила про Диму, вернулась.

– Я тут пойду с тем вчерашним знакомым... погуляю, – сказала я, заглянув к нему в дверь. Как-то это по-детски у меня получилось, как будто я отпрашивалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.